

Андрей ПУЧКОВ

**«ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ САМОДОВЛЕЮЩЕЙ НАУКИ»
Киевлянин Адольф Сонни
и российская классическая филология**

*In memoriam Валерия Ивановича Козыфенко,
доброто книжника и щедрого коллекционера
(† 30 мая 2010 года)*

Классическая филология в России на протяжении почти полувека была не только державно навязанной обществу, но и наукой самодовлеющей. Знание древних языков, конечно, обогащает человека, позволяет читать древний текст в оригинале, блеснуть приведенной к месту латинской апофегмой, заставив собеседника (тоже знающего по-латыни) сочувственно кивнуть, да мало ли еще зачем потребуется. Затем хотя бы, чтоб чувствовать себя чуточку выше и ощущать единство с мировой историей, другим гагарам недоступной. «В истории русской культуры классицизм не был столь интегральным явлением, как на Западе. Отсюда его большая искусственность в России, его эфемерность, ограниченность его воздействия на русское общество»¹. И поделом.

Большевицкий переворот положил естественный конец классическому образованию, для большинства российских гимназистов тягостному и малопотребному, и тонкая прослойка гимназо-университетских студентов в несколько десятилетий разжижилась в усредненной толпе. Если до переворота гуманитарные дисциплины были сосредоточены в основном в университетах — немногих, с малым набором студентов, — при большевизме они оставались как род деятельности разве что по недосмотру умственно примитивных властей². «Роковым было разрушение и в значительной степени даже уничтожение той социальной среды — городской интеллигенции, — которая была носителем традиций классицизма, опиравшихся на античность и ориентированных на Запад»³. И этой интеллигенции поделом. М. В. Сабашников, издатель и филантроп, удивлялся в начале 1890-х, что «тридцать лет

спустя после освобождения крестьянство оказалось и нищим, и невежественным, а теперь наконец готовым растерзать немногих самоотверженно спешивших ему на помощь интеллигентов... Обреченной гибели выявлялась вся русская культура, ничтожным слоем покоящаяся на таком зыбком основании»⁴. Чему, собственно, удивлялся великий книгодел? Неужели опыт декабризма не научил, что нужно «отдавать фраки косцам»?

Развитие науки о древнем мире в Российской империи оборвалось на взлете: только-только после толстовской реформы средней и высшей школ начали появляться собственные научные кадры, которым Вергилий с Апулеем и Кротон с Платоном оказались интересней дворянско-салонной болтовни, и тут как тут люмпен-пролетарский сапог принудил обратить взоры долу — и надолго.

1900–1910-е годы в российских университетах, несмотря на общественное сумасшествие, вызревшее за университетскими стенами, оказались наиболее плодотворными для профессорских занятий вне аудитории. Пока студент бастует и волнуется, филолог-классик, свободный от занятий, но оставленный при жалованье, обогащает науку переводами классиков и самостоятельным ученым письмом. В 1905–1906-м, в Киеве, когда из-за общегородских неурядиц (страшного еврейского погрома, последовавшего за Манифестом 17 октября) и студенческих волнений⁵ нормальное течение учебной жизни было прервано, как раз филологи-классики из Университета св. Владимира — Юлиан Кулаковский, Адольф Сонни, Витольд Клиндер, Иосиф Лециус, Вячеслав Петр — усилились между сочувственным чтением правых или либерально-демократических газет создать переводы Аммиана Марцеллина, «Стратегии» императора Никифора, сочинить этнографические тексты о Горе и Доле в народной сказке, сказочных мотивах в «Истории» Геродота, о животном в античном и современном суеверии, об античной музыке и римских кесарях. Уличные волны схлынули, смыв стыд, тексты остались.

Ныне имена людей, знающих «на древнем мире», можно перечесать по пальцам нескольких рук: специализированные кафедры в университетах и отделы в институтах истории нежно дуют на тлеющие уголья

Адольф Израилевич Сонни,
фото 1880-х

юношеского интереса к классическому миру, который кажется изученным вдоль и поперек, и на родных территориях, и на заморских. Ныне классическая филология — нонсенс, забавка, блажь обеспеченного человека, стремление отдать должное тому, чего нет, существующее в угоду неясным чаяниям чиновников не слишком искушенных в потребностях современного образования. Тем не менее, составляются учебники по латыни и древнегреческому, выходят словари и пособия (иногда перекрывающие по качеству зарубежные издания аналогичного толка, где классицизм естествен, поскольку подчинен европейству⁶), читаются речи Цицерона за Милона и против Катилины, и вслух за школьной партией переводятся. И все-таки, подлинники исследователи перевелись, древние языки учатся со скрипом. Сейчас, как писала Олеся Николаева в пересыпанных инфинитивами «Испанских письмах», —

Отдают в классические гимназии — грызть гранит,
сокрушать латынь,

узнавать, кто такие стоики,

читать Писанье,

Адольф Израилевич Сонни,
фото 1920 г.

учить на нескольких языках «Отче наш» и «Господь простит»,
выправлять генотип золотой печатью знания.

То есть попросту — выходить в дворяне испанские,
в верхний слой.

Называться «новой элитой», ходить в европейских шляпах.

Презирать отцов — за плебейство, за дурновкусие, за дурной
тон,

неправильные ударенья и — запах, запах!..

Преподаватель латыни и древнегреческого все равно чудак, и в массовом числе не производится: снова времена не те. Конечно, нынче тоже эпоха упадка классической филологии, уровень подготовки и общая эрудиция ученых, сосредоточенных преимущественно на ретрансляции старого знания, оставляют желать лучшего. Подняться к дореволюционному уровню образованности едва ли получится, но посмотреть и повосхищаться мы — услужливые дегустаторы — пока можем. Особой надобности в этой кастовой дисциплине нет, переводы основного массива античной литературы уже комментировано (и не

единожды) выполнены, а самый этот массив может уместиться на одной CD-болванке в 700 Мб, даже не заполнив ее до отказа. Э. Д. Фролов, питерский историк античности и историограф, выделил в эпоху расцвета российской науки о классической древности — с 1860-х до 1920-х — четыре направления: *историко-филологическое* (Ф. Ф. Соколов, В. В. Латышев, С. А. Жебелёв итд), *культурно-историческое* (Ф. Г. Мищенко, В. И. Модестов, Ф. Ф. Зелинский, Ю. А. Кулаковский итд), *социально-политическое* (В. П. Бузескул, Э. Д. Гримм итд) и *социально-экономическое* (И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, М. М. Хвостов итд)⁷. Наш сегодняшний герой, Адольф Сонни, топтал тропку, конечно, историко-филологическую, а утомившись, шагнул на брусчатку этнографического бульварчика, замощенного А. Н. Веселовским, А. А. Потебней и Вс. Ф. Миллером.

Чудаки, которым в динамичные времена бывали интересны нединамичные древние тексты и суета вокруг них, время от времени появляются. Обратимся к делу и жизни одного из таких чудаков эпохи расцвета и заката отечественной классической филологии: может, блеснет блесна свежей рыбкой.

Имя Адольфа Израилевича Сонни (17.01.1861, Лейпциг — 8.03.1922, Киев)⁸ можно встретить как в летописях истории Императорского университета св. Владимира, так и в синодиках российской классической филологии рубежа XIX–XX вв.: в первых — чаще, во вторых — реже. Причем, почти через запятую с именами других лиц, в историографических сочинениях упоминаемых как бы автоматически. Творчество и жизнь Сонни — одного из немногих докторов греческой словесности в Российской империи — не изучены даже поверхностно. Исследователи ограничиваются, как правило, упоминанием имени Адольфа Израилевича в ряду иных имен филологов-классиков, мол, и такой был⁹.

Например: «До Великої Жовтневої соціалістичної революції, — отмечал в 1946 г. А. П. Маркевич, — у Київському університеті працювало чимало видатних філологів-класиків (В. І. Модестов, І. В. Цветаєв, Ф. Г. Міщенко, Ю. А. Кулаковський, А. І. Сонні, В. П. Клінгер та ін.), і в ньому систематично проводилося підготування майбутніх спеціалістів з латинської та старогрецької мов»¹⁰. А, например, Александр Иустино-

А. И. Сонни и В. П. Клиггер,
фото 1920 г.

вич Малейн, библиограф и умница, в начале XX в. перечисляя филологов-классиков университетских городов имперского Юга и, глядя шире, указывал, что в Харькове трудятся И. В. Нетушил, который первым дал на русском языке самостоятельные научные пособия по исторической грамматике латинского языка и римских государственных древностей, и В. П. Бузескул, автор нескольких трудов по древнегреческой истории. В Одессе профессорствуют А. Ф. Воеводский, написавший ценные исследования по мифологии и Гомеру, А. Н. Деревницкий и Э. Р. фон Штерн, занимающиеся эллинской историей и достопамятностями на берегу Черного моря. В Киеве профессор Юлиан Кулаковский много занимался римской историей и эпиграфикой, а ныне исследует керченские древности; А. И. Сонни защитил докторскую диссертацию о Дионе Хрисостоме¹¹. И вправду, в последнее десятилетие XIX и в первое двадцатилетие XX вв. именно Юлиан Кулаковский¹² и Адольф Сонни были самыми заметными филологами-классиками и педагогами Университета св. Владимира, научными сочинениями выходя на европейскую площадь. Но тогда это было привычным делом, и мало кого удивляло.

Э. Д. Фролов в фундаментальном исследовании «Русская наука об античности» ограничился касательно этих лиц таким замечанием: «Наставниками Ростовцева в Киевском университете были хорошие специалисты: классики Ю. А. Кулаковский и А. И. Сонни (первый скорее — историк, а второй — филолог чистой воды, занимавшийся, в частности, Дионом Хрисостомом)»¹³.

Такое состояние посмертной биографии Сонни неудивительно: классическая филология настолько узкая область научного интереса, что за те почти девяносто лет, которые прошли со времени его кончины, до него просто не успел добраться внимательный глаз исследователя.

Самый факт упоминания имени Сонни в разрисованном выше контексте позволяет поставить его в ряд не только профессоров-классиков киевского университета, но и в ряд немногочисленных профессоров-классиков Российской империи 1880–1910-х. После его смерти, последовавший в марте 1922 г., не напечатали даже строчки некролога, и долгое время не была известна дата смерти. На мой взгляд, эту лакуну следует заполнить, если угодно, приурочив ее к полуторастолетию со дня его рождения: по традиции заменив несостоявшийся в свою бытность некролог исследованием.

Что краше прочего свидетельствует о личности ученого, как не его публичное чествование по случаю какого-нибудь юбилея, даже с учетом всех патетических моментов, которые этому событию сопутствуют? Начну с цитаты из сообщения в либерально-демократической газете «Киевская мысль» от 2.02.1914, незадолго до начала Первой мировой.

«1 февраля, в XI аудитории Университета историко-филологический факультет чествовал заслуженного ординарного профессора по кафедре классической филологии А. И. Сонни по случаю 30-летия его преподавательской деятельности. На чествование собрались почти все профессора историко-филологического факультета с и. о. декана проф. Ю. А. Кулаковским во главе и студенты того же факультета. Проф. Кулаковский приветствовал юбиляра от имени членов факультета, после чего участники семинария русской филологии, студенты и лица, оставленные при университете, поднесли юбиляру адрес следующего содержания:

“Глубокоуважаемый Адольф Израилевич! На Вашей юбилейной лекции мы, бывшие и настоящие слушатели Ваши, рады приветствовать Вас с днем 30-летия неутомимого служения филологической науке и проповеди принципов ее среди учащейся молодежи. Мы не можем быть судьями Ваших ученых заслуг, но мы знаем, что работы Ваши никогда не прерываются, а иногда из области классической филологии переносятся в мир наших интересов, освещая генезис загадочных явлений старинной русской литературы. Вашим вдохновенным лекциям мы обязаны знакомством с крупнейшими явлениями греческой литературы, с которой древнерусская связана узами хотя и отдаленной преемственности. Под Вашим руководством мы усваивали принципы филологического метода в применении к истолкованию римских авторов, — за все это приносим Вам сердечную и искреннюю благодарность. В лице Вашем, глубокоуважаемый А[дольф] И[зраилевич], мы приветствуем также истинного гуманиста, верного последователя самодовлеющей науки, представителя подлинного благородного академизма, существовавшего в дни Вашей юности в университетах. Как гуманист, влюбленный в науку и в прекрасное, завещанное нам античностью, Вы всегда высоко несли знамя науки, не делая ее орудием посторонних целей, — не старались из молодежи, шедшей к источникам знания, сделать слепую толпу, покорную модным лозунгам текущего политического момента.

Мы не вошли еще в кипящую пучину житейской борьбы противоречивых эгоистических стремлений, но уже издали нам видно, как легко потонуть в грязном водовороте жизни; вот почему мы особенно ценим ту гордую независимость и благородство мысли, которое всегда чувствовали в Вас. Счастливые, что имели во время нашего пребывания в университете такого наставника, мы позволяем себе выразить пожелание, чтобы идущие за нами поколения студентов не лишены были Вашего руководства в той области, где дорожке всего чувствуется значение истинного просветительского гуманизма и строгой научной филологической школы”.

Аналогичный адрес был поднесен юбиляру и от имени студентов историко-филологического факультета. Приветствия и адреса были

покрыты долго не смолкавшими рукоплесканиями. Растроганный юбиляр ответил блестящей, глубоко прочувствованной речью. С грустью оратор констатировал, что он не видит себе преемника в Киевском университете, так как достойнейший кандидат на кафедру классической филологии (прив.-доц. [В. П.] Клингер) оказался устраненным вследствие не утверждения его министром Л. А. Кассо. При этом А. И. Сонни заплакал»¹⁴.

Действительно, именно Витольд Павлович Клингер (1875–1962) мог в то время заместить Сонни на профессорской должности преподавателя греческой словесности как неравнодушный ратоборец в этой области знания и педагогики. Его труд «Животное в античном и современном суевии» (1911) до сих пор является образцом изучения культурологических вопросов античного мира при помощи языковых данных; в то время это было одно из первых сочинений, заложивших традицию, подхваченную и продолженную О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецким, позднее В. В. Ивановым, Ю. А. Мосенкисом и проч. Наставником Клингера был Сонни, не в последнюю очередь исследовавший этнографо-лингвистические вопросы древнерусских сказаний (см.: «Горе и Доля в народной сказке», 1906), отодвинувшись от классико-филологической проблематики.

Адольф Сонни родился 17 января (4 января по ст. ст.) 1861 г. в Лейпциге в семье лютеранского пастора. Еврей по происхождению, был крещен по евангелически-лютеранскому обряду, что в условиях российского антисемитизма сделало возможным получение высшего образования и постепенное продвижение по служебной лестничке до чина действительного статского советника (гражданского генерал-майора) и заслуженного ординарного профессора.

Учеба. Высшее образование Сонни получил в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете (в 1884–1890 гг. — Русский филологический институт), в которой тогда готовили гимназических учителей древних языков.

Это странное для нашего уха учебное заведение было открыто в 1873 г. по инициативе А. И. Георгиевского, тогдашнего спешника министра народного просвещения графа Д. А. Толстого по классицизи-

Здание Императорского университета св. Владимира, Киев, фото середины 1880-х

рованию невежества в русских гимназиях. От Лейпцигского университета с такой же инициативой выступил именитый Фридрих Ричль, основатель и редактор «*Rheinisches Museum fuer Philologie*» который и стал руководителем Семинарии (после его смерти, в 1876-м директором становится не менее именитый филолог-классик Юстус Г. Липсиус).

Стипендиатами могли быть молодые люди, которые выбирались доверенными от Министерства народного просвещения лицами из числа как «природных русских и уроженцев Прибалтийского края, изучающих русский язык, так и из западных славян и даже уроженцев Германии, имевших случай изучить русский язык или какое-либо из славянских наречий». Первоначально курс обучения составлял два года, затем три; по окончании учебы стипендиаты должны были отслужить за полученную ими стипендию учителями древних языков в российских гимназиях и прогимназиях: то есть соответственно поначалу четыре, затем шесть лет. Невзирая на то, что учеба продолжалась три года, выпускники приравнивались к окончившим университет и могли сразу после учебы сдавать экзамены на степень магистра. Семинария

подвергалась разным нападкам (например, со стороны киевского профессора Ф. Г. Мищенко), мол, стипендиаты плохо знают по-русски, учебные планы отличаются от университетских итд, и к концу 1880-х потребность в этом заведении исчезла: в 1890-м Семинарию закрыли¹⁵. Имея практическую цель «восполнить недостаток в хорошо подготовленных преподавателях древних языков для средних и высших школ» в Российской империи, Семинария, как это обычно бывает, воспитала не только практиков, но и теоретиков античных дел: имена И. И. Луньяка, Ф. Ф. Зелинского, Э. Р. фон Штерна, Л. А. Георгиевского, И. А. Микша (учитель А. Ф. Лосева) можно оставить без комментариев. А. И. Сонни как уроженец Германии учился в Семинарии в 1879–1882 гг.; отработать стипендию съездил в Петербург.

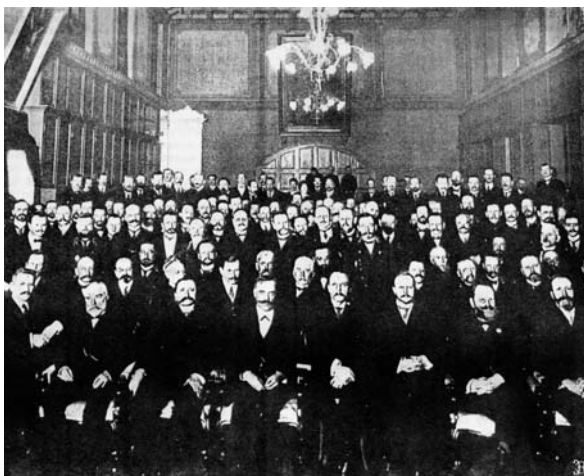
Первая ученая статья и педслужба. С 1 июля 1882 г. 21-лений Сонни начинает педагогическую деятельность в петербургской Пятой гимназии, где изъясняет древнегреческий и латынь¹⁶. Потом, два года пробыв в традиционной заграничной командировке¹⁷ (а с 1.12.1885 по 1.05.1886 почему-то побывав «в отставке», возможно, по болезни), 6 июня 1887 г. защищает в Дерптском (ныне — Тартуский) университете диссертацию «De Massiliensium rebus quaestiones [О массилийских спорных вещах]» на степень магистра древнеклассической филологии (наш кандидат филологических наук по специальности 10.02.14 — классические языки)¹⁸.

Еще будучи в командировке в Германии, 25-летний Сонни опубликовал статью — первую в не слишком размашистом перечне его научных публикаций, — посвященную теме текстовых корреляций между Вергилием и Юстиновой «Эпитомой Помпея Трога». К этой статье 1886 г. до сих пор обращаются исследователи этой темы, дивясь, что в докомпьютерную эпоху поиск текстовых заимствований в среде античных (здесь — латинских) сочинений может дать столь ощутимый результат, каким он получился у Сонни. Что здесь удивительного: у Сонни была хорошая память, глубокий интерес к тексту и Вергилия, и Юстина, и проведение параллелей труда не составило. Впрочем, вот эти современные воздыхатели, и виднейший среди них Джон Ярдли.

Дж. Ярдли и Вальдемар Геккель из Оксфорда: «В статье, которая была написана век назад, Адольф Сонни обнаружил некоторое коли-

чество параллелей между Вергилием и “Эпитомой” Юстина, и пока не все эти примеры были исчерпаны, он убедительно демонстрировал в этом вопросе влияние Вергилия. Вывод Сонни, что Трог находился под впечатлением или достаточно пользовался Вергилием, было заметно у Юстина по словесной организации фрагментов. Намного позже Сонни нашел себе верного помощника в лице Ф. Р. Д. Гудьера (Goodyear), который подтвердил не только Вергилиево, но и Овидиево влияние на Трога. Гудьеровские замечания базировались на том же, на чем и у Сонни, — предположении, что работа была антологией Трога с добавлением небольшого собственного материала или переделкой, принадлежащей позднему автору, и потому не может вызывать восхищения у филолога-классика»¹⁹. Из Ярдли: «В статье, названной “Вергилий и Трог”, изданной больше чем столетие назад в “Rheinisches Museum”, Адольф Сонни убедительно продемонстрировал, что так называемая Юстинова “Эпитама Помпея Трога” содержит большое число реминисценций из Вергилия. Не все примеры Сонни, честно говоря, убедительны. Взять хотя бы два первых с начала его списка... <следуют конкретные примеры> ...Некоторые из примеров Сонни, однако, очевидно более убедительны, чем он, пожалуй, мог предположить, поскольку использование латинского диска РНІ сейчас покажет нам, что некоторые из них фактически исчерпываются Юстином и Вергилием»²⁰. И в другом месте: «Влияние Вергилия на “Эпитуму” было замечено филологами еще перед тем, как Адольф Сонни опубликовал статью “Вергилий и Трог” в “Rheinisches Museum fuer Philologie” в 1886 г. (Гроновиус, например, ссылался на его множественные параллели из Вергилия в своих комментариях к Вергилию). Но Сонни был первым, кто рассмотрел вопрос систематически и окончательно изъяснил вопрос о влиянии. Сонни был убежден, что это влияние было сконцентрировано Трогом на Вергилии и что это до сих пор оказывалось очевидным в эпитоме Юстина. Веком позже Гудьер призвал на помощь доводы Сонни и присовокупил их к своим параллелям, получив целое. Здесь я перечисляю эти параллели — не все, с которыми я соглашаюсь, — вслед за теми, которые я обнаружил самостоятельно (здесь нет тех, что принадлежат Сонни и Гудьеру). Электронный поиск для Сонни и Гудьера был невозможен, и я указываю, где диск [РНІ]

А. И. Сонни,
Ю. А. Кулаковский
и И. А. Лециус среди
делегатов Первого
Свероссийского съезда
преподавателей древних
языков, декабрь 1911 г.

подтверждает (опровергает) их правоту...»²¹ итд.

После защиты 26-летний магистр перебирается из Питера в Киев, и с 1 июля 1887 г. начинает службу в Императорском университете св. Владимира, читая лекции по кафедре классической филологии в качестве приват-доцента (с вознаграждением 1200 рублей в год). 12 сентября читает положенную в таких случаях вступительную лекцию: «Александризм и его влияние на римскую литературу». Через полтора года усердных занятий, 2 марта 1889-го, по Высочайшему повелению назначается и. о. экстраординарного профессора по той же кафедре. Профессор в возрасте 28 лет — норма для талантливого человека даже в XIX веке.

Через десятилетие, 20.05.1897 в Санкт-Петербургском университете 37-летний Сонни защитил диссертацию «Ad Dionem Chrisostomum anaplecta [К ошметкам Диона Хрисостома]», которая, как и магистерская, была написана по-латыни, и был удостоен ученой степени доктора классической филологии. Через два месяца, 26 июля, Высочайшим указом по гражданскому ведомству (№ 61) назначен ординарным профессором Университета св. Владимира, и большего, кажется, не желал. 21 декабря 1898 г. Высочайшим указом № 90 утвержден в классном полковничьем чине статского советника. В 1907-м получает командировку за границу «с научной целью» на время летних вака-

ций. 1-го февраля 1909-го, после выслуги 25 лет по учебной части (по Уставу 1884 г.), был оставлен в должности еще на пятилетку (предложение министра народного просвещения № 4382), 20-го марта был командирован от Университета на Международный археологический конгресс в Африку — в Каир. 1-го января 1911 г. «за отличие» был утвержден в чине действительного статского советника, дававшего его отпрыскам право потомственного дворянства. 1-го июля 1912 г. министром народного просвещения был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора по выслуге им 25 лет в преподавательской должности. С 12.02.1914 товарищ министра просвещения назначил Сонни пенсию за 30-летнюю беспорочную службу в размере 3000 рублей в год. Заболев сыпным тифом — обычной хворью, выкашивавшей киевское население, — на 62 году жизни 8 марта 1922 г. Сонни отошел в лучший мир. Адольф Израилевич отмечен орденами св. Владимира III («за отменно-беспорочную службу», 1914) и IV (1908) степеней, св. Анны II (1904) и III (1896) степеней, был кавалером полного банта ордена св. Станислава (1891, 1900, 1917) со звездой «*Praemirando incitat*»²²: обычный набор развесочных бирюлек, которые получал время от времени по чину каждый чиновник.

В течение многих лет Сонни был деканом историко-филологического отделения и профессором кафедры классической филологии Высших женских курсов (1906–1918 гг.), читал курс истории греческой литературы на историко-литературном отделении Вечерних высших женских курсов Аделаиды Жекулиной (с декабря 1905-го; теперешний адрес: Артема, 27), возглавлял Киевское отделение Общества классической филологии и педагогики.

Жена. Супругой Адольфа Сонни была Марта Александровна Фидлер. Венчание состоялось 29.06.1891 в Выборге, в Преображенском соборе, по чину православной церкви²³. В то время формальное разрешение преподавателю Университета на брак должен был подписывать ректор. Тридцатилетний профессор 21.06.1891 обращается к Ф. Я. Фортинскому с прошением: «Желая вступить в брак с девицею Марфою Александровною Фидлер, имею честь просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение в том, что препятствий со стороны уни-

верситетского начальства не имеется»²⁴. В тот же день ректор выдал просимое: «Дано сие и. о. экстраординарного профессора Университета св. Владимира Адольфу Израилевичу Сонни согласно его просьбе в том, что, как видно из послужного его списка, он, г. Сонни, вероисповедания евангелическо-лютеранского, родился 4 января 1861 года, холост, а потому на вступление его в брак препятствий не встречается. Гербовый сбор уплачен»²⁵.

В следующем году, 9 мая, у Марты и Адольфа Сонни родилась дочь Ада, 7.02.1895 — сын Евгений, 6.02.1900 — дочь Нина, 2.06.1902 — сын Георгий²⁶. Семья располагалась в доме Прасковьи Антоненко по ул. Левашовской (ныне — Шелковичная), 40. Соседний двухэтажный дом — по Шелковичной, 44 (архит. В. Н. Николаев, 1882 г.) — принадлежал старшей сестре М. А. Сонни — Л. А. Фидлер, по смерти которой в течение 1900–1919 гг. этим домом владела Марта Сонни²⁷, получая прибыль со сдачи квартир внаем.

Докторская. Вероятно, диссертацию, посвященную греческому ритору Диону Хрисостому, Сонни подал в столичный университет в конце 1896-го — начале 1897-го.

Внутренним рецензентом по диссертации выступил Виктор Карлович Ернштедт (1854–1902), профессор Санкт-Петербургского университета, палеограф, одаренный своеобразным талантом критики античных и средневековых греческих текстов, полагавший необходимым изучать древние тексты на основе их рукописного предания. «В этом смысле он был в русской науке новатором и первопроходцем» (И. В. Куклина). Сонни, нужно думать, был в известном смысле его последователем, а что отличался он научной тщательностью и был большим знатоком в деле критики и разбора текстов, свидетельствует уже его магистерская работа о массилийцах.

Поскольку докторская диссертация была посвящена критике текста (герменевтике) Диона Хрисостома, В. К. Ернштедт отметил в отзыве (рукопись на 8 стр. сохранилась в его питерском архиве), что автором изучены не только научная литература вопроса и опубликованные источники, но и более тридцати списков рукописей.

И. В. Куклина, обследовавшая архивный фонд Ернштедта и ком-

Юлиан Андреевич Кулаковский
в домашнем кабинете, предположительно
1909 г., фото С. Ю. Кулаковского

ментировавшая его отзыв на труд Сонни, пишет: «Вывод, к которому пришел киевский профессор: для установления текста Диона только четыре рукописи имеют самостоятельное значение. В отзыве описана горестная история: диссертанту для окончания начатого дела предстояла поездка в Рим, Париж и Лейден, но тут вышло критическое издание текста Диона под редакцией Г. Арнима (I том — Берлин, 1893; II том — 1896²⁸), предвосхитившее результаты многолетней работы исследователя. Он, однако, успел тезисно изложить главные выводы в “*Neue Jahrbuecher*”. Конкретный его вывод об основной рукописи *Urbip.*, 124 был, хотя и с оговорками, принят Арнимом, и рецензент усмотрел в этом положении работы заслугу диссертанта.

В отзыве дана характеристика диссертации по главам, примечания относительно edition princeps, а также по описанию классов рукописей в связи со спорами с Арнимом (последний разделил рукописи на два класса, Сонни же — на три, хотя раньше тоже делил на два). Относительно схолий Арефы²⁹ В. К. Эрнштедт заметил, что для критики текста они особого значения не имеют, но напечатать их раз целиком стоит, хотя

бы из-за имени их автора, а тем более потому, что они трудночитаемые.

Диссертант показал такое глубокое знание научной литературы и текста Диона, писал рецензент, что ему поручили редакцию нового издания Диона у Тойбнера³⁰. Окончательный вывод отзыва: рекомендовать факультету допустить диссертацию к защите. После успешной защиты А. Сонни стал доктором греческой словесности»³¹.

Георгий Вернадский, сын В. И. Вернадского, именитый историк, со слов Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952), который учился в 1888–1890 гг. в Университете св. Владимира на историко-филологическом факультете, писал, что Ростовцев, учителями которого по классической филологии были А. И. Сонни, И. А. Лециус и Ю. А. Кулаковский, характеризовал их как «приличных, но тусклых ученых»³². Беря во внимание взбалмошный характер Ростовцева и его по временам невыдержанные оценки коллег по цеху (в частности, личности Кулаковского и его археологических исследований керченских катакомб), этот отзыв вполне можно оставить без внимания: спрашивал же Козьма Прутков, что важнее для человека — Солнце или Луна? «Ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц — ночью»³³. К тому же, современный биограф Ростовцева В. Ю. Зуев спасительно для своего колкого персонажа замечает, что воспоминания Ростовцева о первых учителях могли обесцветиться к концу 1920-х³⁴. Следует полагать, спокойный, уравновешенный характер Адольфа Израилевича никак не мог быть впору холерическому, взрывному (как считали современники) характеру Михаила Ивановича. Так вот, в 1897-м в письме из Парижа С. А. Жебелёву Ростовцев писал о Сонни: «Был здесь на днях Сонни, попрыгал три дня, оставил след в моей комнате в виде своей [докторской] диссертации, и уехал в Россию. Очень милый человек, но скучен немилосердно»³⁵. 27-летний Ростовцев, зимой 1896/97 живя в Париже заграничным научным пансионером и не будучи ни специалистом по палеографии, ни магистром, не мог быть сколько-нибудь весомым собеседником своего университетского наставника по столь узкоспециальному вопросу. Этим его отзывом дело, пожалуй, и кончилось³⁶. Важнее, что в 1911-м Адольф Бонхёффер в книге «Epiktet und das neue Testament» вспомнит об этой книге Сонни теплым словом³⁷.

Здесь нужно сказать вот о чем: Дион Хрисостом, один из троих виднейших представителей т. наз. Второй софистики (вместе с Элием Аристидом и Максимом Тирским), был кнический писатель, аттицист (сиречь сознательный подражатель языку древних сочинителей)³⁸. Я понимаю, что нельзя отождествлять ученого с предметом его научного интереса, и все-таки касательно Сонни, которого можно счесть эдаким представителем «городского кинизма конца XIX века», хочется заметить, процитировав И. М. Нахова: «в течение многовековой истории кинизма ... под его знамена стекались бедняки и недовольные — от раба до вчерашнего благополучного рабовладельца. Все они вносили свою лепту в теорию, не утруждая себя заботой о логичности и стройности целого»³⁹. Сонни как исследователь Диона внес лепту в виде герменевтических поправок к чтению этого автора, что и было оценено другим палеографом, Ернштедтом. Ученых такого научного уровня и талантливости в России тогда было несколько человек.

На выборе научной темы или направления всегда отражается сознательное отношение автора. Человек, не любящий детей, не станет заниматься детской психологией и не пойдет за ребенка на костер (как Януш Корчак), не любящий стариков не будет заниматься геронтологией и служить в доме призрения, зато мизантроп с удовольствием посвятит себя изучению больших общественных движений: за таким масштабом не видно конкретного человека, «человека в плаще», зато выпукло выглядит идея, руководящая податливой массой, и вожак, эту массу направляющий (такой же, по сути дела, мизантроп, как и тот, который его изучает). Впрочем, делать выводы о мотивациях выбора научной темы на столь нетвердом основании — забава. Ведь человеку просто-напросто может быть интересно. Сонни, увлекшийся Дионом Хрисостомом (из Прусы⁴⁰), кинизирующим писателем I–II вв., наверняка стоял на либеральных позициях, не принадлежа в университете ни к монархически настроенным правым (Флоринский, Кулаковский, Фортинский), ни к либерально-демократическим левым. Разумеется, Сонни-ученый не мог отождествлять себя с деклассированными земледельцами, этим люмпен-пролетариатом античного мира, жившим за счет государства. Но он бы университетский преподаватель, тоже

Юлиан Андреевич Кулаковский, фото 1888 г.

живший за державный кошт, служивый человек, правда, — ставил умственный труд превыше всего. Нет, инстинктивные люмпен-пролетарские вожеления были ему чужды, однако выбор для исследований текстов Диона нельзя признать случаем с сугубо научной ориентацией: кинизм — неодолимое стремление «маленького человека» выстоять и заявить о своих поправленных правах⁴¹. Профессор с диковинным, немецко-еврейским именем «Адольф Израилевич Сонни» не мог чувствовать себя в российской университетской коллегии до конца своим человеком. Конечно, он, как Дион, подражавший Гераклу, не ходил в львиной шкуре и не тужил за кинической униформой: коротким плащом, сумой и посохом⁴². Однако же, выбор книзирующего Диона в качестве предмета для изучения (когда один человек изучает труды другого человека, он должен быть тому конгениален) неслучаен и коренится в каких-то психосомных особенностях мировоззрения Сонни. Как в свою бытность Дион из Прусы, обласканный императором Траяном, отходит после возвращения из изгнания от кинических принципов неприятия государственного строя и современной ему жизни

и даже высказывает религиозные симпатии, так потомственный еврей-выкрест из Лейпцига, обласканный уставом российских университетов, получил верноподданническое удовольствие подтвердить либерализм и законопослушание. Адольф Израилевич склонен к изучению многослойных, остроумных вещей, будучи (вспомним отзыв Ростовцева), по-видимому, в силу научной аккуратности человеком в общении тоскливым. Однако многолетние занятия Дионом, Катуллом — греческими эпиграммами и римскими пословицами — сиречь вещами остроумными — говорят об этом отчетливее прочих занятий.

Участие в переводе «Стратегики» Никифора Фоки и «Истории» Аммиана Марцеллина. Чем именно известно ныне имя Адольфа Сонни? Прежде всего участием в переводах Юлианом Андреевичем Кулаковским (1855–1919) военного трактата — «Стратегики» — императора Никифора Фоки (X в.) и так называемой «Римской истории» («Res Gestae») Аммиана Марцеллина, латинского историка V в., которые были выполнены в 1906–1908 гг.

«В Киеве в начале сентября [1905 г.] начались сходки студентов в Университете и в Политехническом институте. В конце сентября студенческие сходки переросли в столкновения с полицией и в беспорядки на улицах. В начале октября остановилось движение на железных дорогах и начались забастовки на заводах. 14 октября 1905 года в Киеве перестали выходить газеты и остановились трамваи. Постепенно прекратились работы на всех предприятиях и занятия в школах. Стали закрываться магазины... Вечером [18 октября] у киевской городской Думы на Крещатике войска стреляли в толпу, а на Подоле, на Галицком базаре и на Лукьяновке начался еврейский погром, который постепенно охватил весь город»⁴³. Нормальная жизнь была нарушена, и о спокойствии в университетском (и гимназическом) образовании едва ли можно вести речь. Однако, стоит полагать, 1905-й и 1906-й были временем тесных научных контактов Сонни и Кулаковского, коллег по Университету, людей одинакового послужного ценза. Время позволяло: студент бастовал, оклад сохранялся, и перевод с комментариями — приятное для гуманитария времяпрепровождение.

В письме от 9.06.1906 декану историко-филологического факульте-

та, старому другу, доктору славянской филологии, профессору Тимофею Дмитриевичу Флоринскому (1854–1919)⁴⁴ Кулаковский пишет: «Получил я сегодня почтой корректуру моего отзыва о книге [С. Д.] Пападимитриу. Сонни хотел, да и должен был кое-что добавить. Но этого не сделал. Я отсылаю корректуру [В. С.] Иконникову. Но прошу тебя при случае передать Сонни, чтобы потом не вышло неудовольствия, так как под рецензией стоит и его подпись. Я думал было добавить кое-что из сделанных на досуге возражений, указать слабость и необоснованность некоторых гипотез. Но не имею охоты делать это, да, может быть, это и не нужно. — Я бы и сам написал Сонни, да не знаю, часто ли он бывает в городе, и думаю, что через тебя и Вл[адимира] Степ[ановича Иконникова] будет вернее»⁴⁵. Осталось неизвестным, дописывал ли что-нибудь Сонни к тексту их совместного с Кулаковским отзыва, однако в августовской книжке «Университетских известий» отклик на монографию С. Д. Пападимитриу «Феодор Продром: Историко-литературное исследование» (Одесса, 1905) выдержан в духе лучших объективно-восторженных рецензий того (да и недавнего нашего) времени и подписан обоими учеными.

В декабре 1906-го Кулаковский писал акад. П. В. Никитину по поводу подготовленного перевода «Стратегики» императора Никифора Фоки: «Хотя я и много возился и кое в чем мне оказал помощь мой коллега Сонни, но остались места, где смысл темен, может быть, и не вследствие порчи текста»⁴⁶. В предисловии Кулаковского к изданию «Стратегики» (1908 г.) слышны благодарственные интонации: «Любезное содействие в этом деле оказал мне мой уважаемый коллега, профессор А. И. Сонни»⁴⁷. В. П. Бузескул в знаменитом обзоре отмечает: «В рукописи, заключавшей в себе “Стратегикку Кекавмена”, изданную В. Г. Васильевским, имелась “Стратегика императора Никифора Фоки”, которую и издал Ю. А. Кулаковский при содействии А. И. Сонни, вслед за греческим текстом изложив по-русски и содержание ее»⁴⁸. Что Бузескул не отметил активного участия П. В. Никитина в подготовке текста «Стратегики» Никифора (о чем писал в предисловии Кулаковский⁴⁹), дело частное, а вот что Сонни здесь приписана та мера содействия, о которой Кулаковский говорит в спокойных выражениях, удивляет.

В одном из писем Никитину Кулаковский отметил: «Не могу не сознаться, что я очень сконфузился, узнав про такие погрешности моего списка. Первоначальная копия у меня есть, и мы ее считывали с Сонни, достаточно опытным в обращении с рукописями» (22.05.1907); в другом: «Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу помощь; вижу и понимаю, как много времени и труда Вы приложили на приведение в должный вид “Стратегики”. Стыжусь за свою поспешность и не нахожу слов благодарить Вас... Если Вы сами сделаете характеристику рукописи, то мои скудные замечания на этот счет могут совсем устраниться, и в предисловии можно оговорить, что эта часть работы взята Вами на себя» (2.10.1907); и еще: «Чувствую себя не только пристыженным, но и униженным в собственном сознании. И я оказался не только школьником перед Вами, но и плохим школьником» (19.04.1908)⁵⁰ итд. — Скорее Бузескуду следовало бы пропеть дифирамб Петру Васильевичу, нежели Адольфу Израилевичу.

Пожалуй, с аналогичным курьезом мы столкнемся в связи с подготовкой перевода Аммиана Марцеллина, приходящейся на 1906–1908 гг. Конечно, Сонни помогал Кулаковскому в осуществлении перевода с латыни полного текста Аммиана — главного исторического свидетельства о деятельности римского кесаря Юлиана Отступника (*Apostata*) и событиях в Римской империи III–IV вв. «Его [Аммиана] литературные способности были весьма высоко оценены сегодняшними исследователями. Э. Штайн называл его величайшим литературным гением в мире между Тацитом и Данте, а Н. Бейнз называл его последним великим историком Рима»⁵¹.

На мой взгляд, не совсем корректно называть этот перевод, выпущенный в трех частях в Киеве в 1906–1908 гг. (типография Стефана Кульженко), переводом «Кулаковского и Сонни», как это сделано в переиздании «Римской истории» достойным питерским издательством «Алетейя».

Кулаковский переводил текст Аммиана самостоятельно, а Сонни только помог в переводе первых шести книг Аммиана (из восемнадцати), а затем только консультировал Юлиана Андреевича по некоторым вопросам. Перевод первых шести книг можно называть соавторским:

Иосиф Андреевич Лециус, фото 1912 г.

Кулаковского и Сонни. А вот последующую работу — едва ли.

Сам Кулаковский обозначает степень участия Сонни в их совместных переводческих занятиях: «При издании первого выпуска я имел деятельного сотрудника в лице моего уважаемого коллеги проф. А. И. Сонни. Второй выпуск выходит в свет под одним лишь моим именем, так как текущие учебные занятия и другие работы не позволили моему товарищу найти время для участия в окончательной обработке *сделанного мною перевода* (курсив мой. — А. П.) и приготовлении его к печати. Но в некоторых моих затруднениях и сомнениях А[дольф] И[зраилевич] охотно приходил мне на помощь, за что я приношу ему здесь мою искреннюю признательность»³². Положа руку на сердце, следует считать, что и первые шесть книг Аммиана Юлиан Андреевич перевел самостоятельно, а Сонни лишь их «окончательно обработал», то есть выступил литературно-научным редактором. Впрочем, это немалое дело. В предисловии к 3-му выпуску (датировано 10.05.1908), которым Кулаковский заканчивал «исполнение давно задуманного мною дела представить одного из крупных исторических писателей древности

в уборе русской речи», выражены такие слова признательности: «я должен поблагодарить за добрые советы относительно передачи некоторых мест текста и терминов моих уважаемых коллег А. И. Сонни и А. К. Митюкова, а Университет св. Владимира за принятие на свой счет расходов по изданию моего перевода»⁵³. Так что второй и третий выпуски были выполнены Кулаковским самостоятельно. Зная тщательность Юлиана Андреевича в отделке любого текста, который выходил из-под его пера, другой вывод едва ли может быть зачтен верным⁵⁴.

Здесь не ставится цель выяснить процент авторского участия Сонни в переводах Кулаковского: Юлиан Андреевич сам достаточно четко обвел меру этого участия. Важно подчеркнуть, что в кругу киевских знакомцев Кулаковского, знавших тонкости герменевтического анализа текста и палеографии списков, подлинным профессионалом оказался один лишь Сонни. Отчего Адольф Израилевич не принимал участия в дальнейшем переводе книг Аммиана, можно только догадываться. Единственным убедительным пояснением может оказаться такое: в 1904–1906 гг. Сонни активно трудился над этнографической статьей, на удивление не связанной с областью его античных интересов: о персонажах Горе и Доле в народной сказке⁵⁵. И хотя в этой монографии, до сих пор не утратившей значения, античным делам уделено свое место (как источникам сюжетов), следует удивиться широте научных интересов Сонни в 1900-х.

После отзыва на книгу С. Д. Пападимитриу о Феодоре Продроме, написанного вместе с Кулаковским и изданного в том же 1906-м году, следует публикаторский перерыв почти в десять лет (не считая двух страничек отзыва о коллеге-античнике Иосифе Лециусе в «Университетских известиях», 1913). В 1915-м вышла небольшая византинистская статья «Михаил Акоминат — автор “Олицетворения”, приписываемого Григорию Паламе» (1915), заключающая в себе важное открытие авторства, признанного мировой наукой («Adolf Sonny in 1915 attributed the work to Michael Acominatus. cf. Dictionnaire de theologie catholique. v. 11, pt. 2, col. 1749») и малоизвестного в отечестве; и ставшая самостоятельной книгой 90-страничная рецензия на труд Д. П. Шестакова «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана» (Казань, 1913) —

«Аристофан и аттический разговорный язык», вышедшая в двух книжках ЖМНП в 1916 г. и отдельным оттиском. Последними работами, увлекательно, даже энigmatически написанными, Сонни как бы раздает всем сестрам по серьгам: отдает должное давним антично-палеографическим увлечениям и недавним этнографическим, замешенным на хорошей литературности письма.

Дела 1900–1910-х. В бытовом отношении о последних десятилетиях жизни Адольфа Сонни сведений больше, нежели о предшествующих. Остановлюсь на некоторых подробностях.

В 1910-м Сонни был одним из инициаторов организации в Киеве Археологического института: сохранилось приглашение, подписанное им как секретарем группы учредителей этого заведения, на имя академика В. С. Иконникова⁵⁶.

В конце декабря 1911-го Сонни вместе с Юлианом Кулаковским и Иосифом Лециусом был делегатом Первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков в Санкт-Петербурге⁵⁷, однако, в отличие от Лециуса и Кулаковского, на съезде не выступал: сидел молчаливым свидетелем и наверняка — сибарит и киник — скучал.

В 1912-м состояние преподавания древних языков на историко-филологическом факультете Университета был таков: «По кафедре классической филологии преподавание было обеспечено штатным профессором *А. И. Сонни* (греческая словесность) и внештатным профессором *Ю. А. Кулаковским* и приват-доцентами: *В. И. Петром* и *А. О. Постпишилем* (римская словесность)..., и приват-доцентом *В. П. Клингером* (греческая словесность)»⁵⁸. Именно такой состав преподавателей и предметов сохранялся до начала революционной чехарды 1918–1919 гг., даже во время эвакуации Университета в Саратов во время Первой мировой (1915 г.). В 1914–1918 гг. кафедра классической филологии была дополнена штатными доцентами В. П. Клингером, Л. А. Пахаревским, С. С. Дложевским и некоторыми другими. «В 1914 г. Киевский Университет по составу своих студентов представлял настоящий вавилон: русские, украинцы “вообще” и “щирые” украинцы (у них была своя форма — национальный украинский костюм или по меньшей мере вышитая украинским узором сорочка), поляки

Михаил Иванович Ростовцев,
фото 1920-х

в плюснутых блином студенческих фуражках, “истинно-русские” немцы, грузины и другие кавказские народности (на Кавказе тогда еще не было своего университета), большей частью в бурках и папахах, а иногда и с кинжалами на боку. В 1914 году студенты не призывались в армию, и университетская жизнь протекала почти как в прежние годы»⁵⁹. В первые военные месяцы политика имперского правительства была направлена на отстранение лиц немецкого происхождения от ответственных должностей. Одной из жертв этого диковинного процесса стал заслуженный ординарный профессор Университета, известный лингвист-санскритолог Федор (Фридрих) Иванович Кнауэр (1849–1917). Когда Кнауэра уволили и, по сути, лишили средств к существованию (его семья — жена и шестеро детей — жила с 1912 г. в Германии на деньги, которые Кнауэр в России зарабатывал профессорствованием⁶⁰), Сонни 26.11.1914 писал приват-доценту В. Е. Данилевичу *sum grano salis*: «Большая неприятность: Кнауэра вышвырнули из Университета и с [Высших женских] курсов, то есть пока заставили его подать рапорт о болезни по текущий и на наступающий семестры. Дивны дела

Твои, о Господи!»⁶¹ Товарищ министра народного просвещения прислал попечителю Киевского учебного округа А. Н. Деревецкому письмо: «считаю долгом просить Ваше Превосходительство обратиться, частным образом, к заслуженному ординарному профессору Императорского университета св. Владимира Кнауэру с предложением подать ныне же рапорт о болезни и, затем, не появляться ни в университете, ни в Киевских высших женских курсах во все время войны. Если бы профессор Кнауэр не пожелал исполнить этот добрый совет, то прошу Вас, Милостивый Государь, предложить ему официально подать прошение об отставке и, в случае неподачи такого прошения, — представить профессора Кнауэра к увольнению от службы без прошения, предварительно предупредив его об этом» (17.11.1914). Кнауэр послушался, и 24.11.1914 написал рапорт о временном освобождении его от профессорских обязанностей⁶². Распоряжением министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева Кнауэр был сослан в Сибирь, в Томск (с наложением ареста на получаемую им пенсию), где устроился преподавать в Томском университете. Не только Сонни отрицательно относился к Кнауэру (конечно, не в связи с его немецким происхождением), многие профессора недолюбливали коллегу по каким-то личным причинам (С. Т. Голубев⁶³ открыто выступил против Кнауэра, обвинил в измене родине и требовал удаления из университета). Как бы то ни было, фамилия Сонни как иностранная попала в «черный» список «лиц иностранного (особенно немецкого) происхождения, которые могут быть использованы Германией против России в период войны», сразу за фамилией Кнауэра⁶⁴. Но ему было проще.

1 февраля 1914 г. по предложению попечителя Киевского учебного округа Адольфу Сонни было поручено чтение лекций по кафедре классической филологии в 1914/15 учебном году; 30.11.1916 — в 1916/17-м; 1.01.1917 — в 1917/18-м с вознаграждением по 1200 рублей на полугодие⁶⁵. Однако в весеннем полугодии 1918-го внештатному профессору Сонни за 4 часа обязательного курса «Катулл» и 2 часа обязательных практических занятий решением факультета было выплачено по 450 рублей за час, то есть 2700⁶⁶. Н. П. Полетика вспоминал: «Лекции проф. [А. Н.] Гилярова (“Введение в философию”) и проф. Сонни (“Гораций”)

Тимофей Дмитриевич Флоринский, фото 1885 г. (Из архива М. Р. Селивачева)

посещал далеко не все. Зато лекции доц. Дложевского (он разбирал и комментировал трагедию Эврипида “Ипполит”) пришлось посещать без пропусков из-за недостаточного знания греческого языка. Оно не позволяло ни мне, ни другим студентам, окончившим “полуклассическую гимназию” (где греческий язык не преподавался) успешно вести запись лекций... Так кончился первый год моей учебы в университете: следующий учебный год университет провел в Саратове и вернулся в Киев лишь осенью 1916 г. Эти годы уже не были нормальными учебными годами, а с 1917 года начинается закат старого университета»⁶⁷.

Хотя весной 1917-го Сонни (вместе с Кулаковским, Флоринским и другими профессорами) и принимает участие в работе экзаменационной комиссии историко-филологического факультета, гораздо любопытнее перечень тех мероприятий, в которых Сонни *не участвовал*, хотя имел для того все основания. Так, его имени нет среди участников нескольких ответственных комиссий и заседаний бурного времени рубежа 1910–1920-х: Комиссии по делам высшей школы и научных заведений (под водительством В. И. Вернадского)⁶⁸, экстренного заседания Совета лекторов

Киевского Украинского народного университета⁶⁹. Он не участвует в разработке ряда законопроектов касательно высшей школы (в частности, о финансовом содержании госуниверситетов); во Втором съезде представителей высших школ Украины в мае 1918-го⁷⁰ итд. Зато на заседаниях Совета Университета после Февральской революции Сонни присутствует на редкость аккуратно⁷¹. Почему? Ответ, вероятно, выхлестывается из самого характера Адольфа Израилевича, который при любой возможности избегал каких-либо политических или партийно-общественных заседаний: главным его интересом оставались тихие научные занятия, и все, что мешало этому, подвергалось небрежению. Тогда в России уже «заблудилась и летала какая-то шальная пуля, выпущенная октябрьским пулеметчиком, и мешала вам думать. Нет способа так жить, чтобы пуля эта вам не грозила и не задевала»⁷². Действительно, обстановка для умственных занятий была на редкость неподходящей.

В заседании Исторического общества Нестора Летописца, посвященного памяти его долговременного председателя Юлиана Кулаковского (1905, 1908–1919 гг.) в конце весны 1919-го А. И. Сонни первым сделал доклад о сочинениях Юлиана Андреевича по классической филологии. Потом выступали Г. И. Якубанис, В. П. Клиндер (доклад сохранился⁷³), А. М. Лобода и В. Н. Базилевич. Некоторые из выступавших через три года примут участие в аналогичном заседании памяти самого Адольфа Израилевича.

Сонни-профессор преподавал в Университете до конца 1921 г., затем начал хворать; умирает сын; состояние университетской жизни мало интересует его, как это было еще в последние годы 1910-х. — «Проф. А. И. Сонни сегодня, 28-го октября, по болезни лекций читать не будет», — гласило объявление⁷⁴, вывешенное в вестибюле Университета (тогда — Высшего института народного образования им. М. П. Драгоманова, славный ВИНО). Через полгода, в начале марта 1922-го, в том же самом вестибюле другое объявление: «В воскресенье, 12 марта, в 12 час. дня по солнцу (2 час. по оф[фициальному] вр[емени]) в храме св. Марии Магдалины — угол Паньковской и Никольсько-Ботанической ул[иц] — состоится панихида по проф. А. И. Сонни»⁷⁵. Место погребения ученого установить не удалось. По-

видимому, его останки покоятся на лютеранской части Байкового кладбища.

Через месяц после кончины Адольфа Израилевича, 9.04.1922, в VII аудитории Университета коллеги устроили заседание, посвященное его памяти. Со вступительным словом выступил тогдашний декан историко-филологического факультета, психолог и философ С. А. Ананьин⁷⁶, академик А. М. Лобода обозрел жизненный путь и научно-педагогические труды Сонни, Г. Н. Иваница поведал о нем как филологеклассике, профессора Г. Г. Павлуцкий и Б. В. Якубский поделились личными воспоминаниями. Тексты этих выступлений едва ли сохранились, оценки, которые, быть может, в них содержались, остались неизвестными. Однако есть другие свидетельства, по которым удастся приблизительно реконструировать как характер, так и научно-педагогические достоинства Сонни такими, какими они виделись его современникам.

Студенты об Адольфе Сонни. Учеником Сонни (и Клингера) был *Яков Эммануилович Голосовкер* (1890–1967), философ, переводчик с древних языков и писатель. Именно Сонни был тем профессором, который оказал значительное влияние на формирование научного мировоззрения Голосовкера-филолога (под его руководством Голосовкер еще студентом переводил эллинских поэтов), а после Второй мировой войны между Голосовкером и Клингером, обосновавшимся профессором классической филологии Познаньского университета, завязалась переписка. Как отмечает Н. В. Брагинская, опираясь на воспоминания Голосовкера, Сонни был филологом старой немецкой школы, признававшим факты, а не домыслы, серьезным текстологом, сочинял преимущественно по-латыни; Клингер вслед за Сонни интересовался эллинским фольклором, античными сказками, и этот интерес передал Голосовкеру⁷⁷.

Другой ученик Сонни, Лециуса и Кулаковского, *Павел Петрович Блонский* (1884–1941), известный в советское время педагог, а среди историков философии и как автор одной из первых книг о неоплатонике Плотине («Философия Плотина», К., 1918), вспоминал о Лециусе и Сонни: «Он [Лециус] слыл большим чудаком. Как ученый он был полнейшая бесплодность... Чем же он был полезен? Своей ярко выражен-

ной любовью к науке. Мы читали и переводили вместе с ним драму Еврипида “Вақханка”. Благодаря его безалаберности в ведении занятий мы мало успели перевести, но он нас буквально свел с ума чтением греческих стихов... Он как никто дал почувствовать музыку греческого стиха... О византинисте [В. Г.] Васильевском он говорил с уважением, но здесь же прибавлял: “Плохо говорит по-гречески”. Сам он жаловался, что в Киеве ему не с кем говорить по-латыни, кроме А. И. Сонни, да и тот ленится. Вот эта наивная, но восторженная любовь к науке воспитывала меня лучше всяких лекций, читать которые он был не мастер».

О Сонни Павел Блонский записал вот что: «Это был маленький, полный человек с большим басом. Внешне он производил скорее полукомическое впечатление. Но в нем жило сильное чувство поэзии, его семинар по римскому поэту Катулле давал мне немалое наслаждение. Одно из уродств русской жизни в царской России — что такой знаток языка, литературы и поэзии, как А. И. Сонни, ничего почти после себя не оставил»⁷⁸. Из личного дела студента Блонского известно, что у Сонни в 1902–1907 гг. он почти в каждом семестре присутствовал на практических занятиях по латыни, слушал лекции о Катулле и Горации, курс метрики эллинов и римлян⁷⁹. Блонский, на свидетельства которого стоит полагаться очень осторожно, как и в упоминаниях о других университетских преподавателях (Флоринском, Кулаковском, Фортинском и др.), в приведенных только что отзывах гиперкритически оценивает научные достоинства и Сонни, и Лециуса (доктора классической филологии, автора многих исследований о Плутархе, Гальбе и Александре Македонском), но в этих отрывках отпечатлелся самый дух преподавания и толкования памятников древнегреческой и римской литературы, научавших студента понимать эти памятники лучше, нежели этому могло бы пособить сухое лекционное изложение. «Филология воспитала у меня тягу наслаждаться наукой», — радостно подытоживает Блонский⁸⁰.

Другой студент факультета 1909–1914 гг., *Виктор Александрович Романовский* (1890–1971), вспоминал о преподавании специальных дисциплин так: «Что же касается экзаменов по специальным дисциплинам, таким, например, как латинский автор Тацит, Лукреций, Тит Ливий

и др., то здесь требовалось не только знание языков и свободный перевод текста, но и научный комментарий, который обычно заключал в себе исторические сведения и бытовые подробности текста. Достаточно сказать, что профессор, читавший нам латинского автора, как-то отказался вести комментарий, так как не захватил с собой своих записей. Это был очень знающий и эрудированный профессор А. И. Сонни»⁸¹.

Еще один студент Университета в 1914–1920-м гг., *Валентин Фердинандович Асмус* (1894–1975), ставший историком философии, вспоминая о преподавании Сонни, сравнивал его с манерой преподавания Кулаковского в таких выражениях: «Каждый семестр в расписании объявлялись два античных автора: один греческий и один латинский, в следующем семестре читались уже другие авторы, так что возможности выбора были большие. Многие, например, предпочитали по римскому автору записаться на курс, который читался по Тациту профессором Кулаковским, так как слава об этом курсе гремела на факультете, или на не менее славившийся курс профессора Адольфа Израилевича Сонни по Катулле»⁸². В другом месте Асмус вспоминал, что «первый киевский год учения в Университете прошел спокойно. Я постепенно входил в слушание курсов и знакомился с ученостью и искусством читавших эти курсы профессоров. Второй прослушанной мною в семестре лекцией была лекция профессора Адольфа Израилевича Сонни, одного из старейших и заслуженнейших ученых факультета. В этом семестре он читал латинского автора, и этим автором был Гораций. Я записался на Горация. Можно было, конечно, не торопиться и дожидаться семестра, на котором Сонни будет читать свой — знаменитый на факультете — курс по Катулле, которого он очень любил и превосходно читал. Я имел представление о Катулле только по томику переводов из него, сделанных Фетом, но в передаче Фета он не увлек меня. Какой это был великолепный поэт, я узнал позже, когда, зашедши в аудиторию (кажется, это было в 1916 году), где Сонни на этот раз вновь читал Катулла, я был поражен лирической мощью этого поэта.

Записываясь на Горация, я хотел сравнить впечатление от лекций Сонни с тем, которое я вынес из изучения од Горация, приготовленных мною, когда я готовился к экзамену за восемь классов гимназии.

Сонни был во многом противоположность Кулаковскому. Перед ним на кафедре лежал написанный им подробный конспект курса и латинский томик Горация; впрочем, он редко заглядывал в конспект и читал, в основном опираясь на память, медленно и вятно чеканя фразы. Если Кулаковский был прекрасный, пожалуй, лучший, как я впоследствии убедился, после [В. В.] Зеньковского на факультете лектор, то Сонни был отличный руководитель семинарских занятий, мастер филологического анализа текста на специальных курсах. Кулаковский был историк и историк литературы, в частности византолог. Сонни — не только историк литературы, но и языковед, лингвист. Он читал греческих авторов, а также историческую грамматику не одного латинского, но и итальянского языка. Слушателям курса по Горацию он открывался еще одной сильной стороной своего профессорского дарования. Он мастерски читал латинские стихи. Через даль шестидесяти лет у меня в ушах стоит великолепный тембр его голоса, глубокий внутренний захват исполнявшимся текстом и некоторая торжественность, патетичность всего чтения. Еще сильнее все эти качества открылись мне, когда через год я слушал в исполнении Сонни Катутла — автора, уже не обязательного для меня — после сдачи Горация, который и был зачтен мне как “латинский автор”. Но и на первом курсе впечатление было неотразимое. Кулаковский покорял ученостью, блеском эрудиции, громадной памятью. Сонни — не только глубокой филологической ученостью, но и артистизмом, художественным темпераментом.

Темперамент Кулаковского был темперамент *политический*... Напротив, курс Сонни был совершенно аполитичен. Война была в разгаре, на полях Галиции и во Франции на Марне лилась кровь, шли ожесточенные бои, но Адольф Израилевич переводил из Горация так же, как он это делал и лет пять или десять назад, читая в той же двенадцатой аудитории Горация или какого-либо другого автора другому составу слушателей и когда в Европе было спокойно»⁸³.

Эти мемуары лучше прочего рисуют научный и педагогический талант Сонни: с тем восхищением, с которым он читал лекции, с тем же самым восхищением он писал о темных текстовых фрагментах античных писателей миниатюрные экзегетические статьи. Именно этим объясняется, что со времени Первой мировой, когда университетские

профессора, в частности Кулаковский, не могли активно творчески трудиться, живо переживая постепенный крах Российской империи, Сонни сочиняет рецензию, переросшую в самостоятельную монографию, на книгу казанского профессора-классика Д. П. Шестакова «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана» (1913), в которой, как всегда, «элегантно сердчая» на автора за его незнакомство с литературой вопроса, медленно, кабинетно излагает собственную точку зрения на предмет шестаковского сочинения — Аристофана. Эллин Аристофан волновал Сонни в 1915 году больше, чем современные ему военные события. Это, очевидно, не либерализм в точном значении слова (хотя Сонни, как мы помним, был либерал), а, скорее, форма мировоззрения и мироощущения человека, руководящегося ветхозаветной максимой: «и это пройдет». Ныне, после появления монографий (В. Н. Ярхо, 1954; С. И. Соболевского, 1957; Г. Ч. Гусейнова, 1988), наблюдения Сонни (наряду с рецензированной им книгой Шестакова) об аттическом разговорном языке по-прежнему представляются основательными и важными⁸⁴, но ориентированы на узкий круг узких специалистов. А таких специалистов, ясное дело, можно перечесать по пальцам.

Хлопоты. Забота о коллегах, как увидим сейчас из одного документа, было для Сонни обычным делом. Старший сын Кулаковского, Сергей Юлианович, в августе 1921 г. сдавал магистерские экзамены; он должен был отчитаться за курс сербского языка приват-доценту А. И. Дудке-Степовичу (директору Гимназии Павла Галагана). Мать Сергея Кулаковского скончалась в декабре 1914-го, отец — в феврале 1919-го. Двое сыновей остались в Киеве практически без средств. Сергей и Арсений (младший сын) в середине 1919 г. продали Университетской библиотеке домашнюю библиотеку отца⁸⁵, но денег не хватало. Ученая степень магистра и возможность преподавать давали даже в те безумные времена — начальную пору пролетарской диктатуры — известную материальную обеспеченность. Сонни на правах друга семьи Кулаковских обращается к Степовичу с письмом: «Будьте добры, не откажите проэкзаменовать стипендиата С. Ю. Кулаковского по сербской народной словесности (его вопрос: «Сербский эпос»). Экзамен назна-

чен на среду, 17-го августа, в 10 часов (или 11) утра по офиц[иальному] времени, в здании В[ысших] Ж[енских] Курсов. Отъездом [Н. А.] Туницкого⁸⁶ Кулаковский поставлен в очень трудное положение: все экзамены сданы, кроме славянской литературы. Он должен пройти через факультетское заседание, которое состоится в среду же — в 2 часа. — Если ему не удастся сдать экзамен, он не может окончить своей магистерской подготовки. Очень прошу Вас, не откажите. Преданный Вам А. Сонни⁸⁷. — «Дело мое спешное, — не слишком расшаркиваясь, пишет Кулаковский Степовичу, — и А. И. Сонни меня сам прислал к Вам. Я работаю день и ночь, и не могу сейчас терять много времени на беготню. Проф. Туницкий, как я Вам говорил, уехал до 18 сент[ября], а экзамен последний должен пройти до заседания, т. е. до 12 ч[асов] д[ня] 17 числа. Сделайте милость и придите выполнить эту формальность. ... Неужели такой второстепенный для меня предмет не даст возможности закончить то дело, которое уже через три дня нельзя будет провести?.. Убедительнейше прошу Вас прийти — мое положение иначе совсем безвыходное... Искренно уважающий Вас Кулаковский⁸⁸. Андроник Иоанникиевич откликнулся, и отметил на письме Сонни: «Я проэкзаменовал магистранта Кулаковского. Отв. удовлетворительно⁸⁹. А. Степович».

Если другие российские филологи-классики были одновременно и археологами, и историкам, Сонни был классическим кабинетным ученым и классическим университетским профессором классического немецкого образца: работа, наука, семья. Кажется, все прочее его не интересовало, «отдыхал» он не на археологических раскопках, отыскивая в земле неведомые греческие и латинские надписи (как, скажем, Кулаковский), а на пригородной даче и престижных курортах с женой и детьми. В течение тридцати лет читал одни и те же лекционные курсы (делая это блестяще), печатал в среднем в году по одной научной публикации. — Нормальный, размеренный ритм жизни профессора классической филологии, который лучше критиковал, «дегустировал», нежели писал сам: его разумных, взвешенных рецензий больше, чем собственных сочинений. Но критиковал Сонни мастерски, эрудированно, с увлечением. Его глубокая экзегетическая и герменевтическая

эрудиция была потрачена преимущественно не на науку, а на воспитание будущих филологов и критические публикации, что лишь в последнюю очередь может быть ставимо в заслугу Адольфу Израилевичу как ученому. Однако к нему нельзя, пожалуй, применить сентенцию акад. Н. П. Кондакова: «общее художественное невежество русской интеллигенции было настолько глубоко, что знакомые люди стеснялись даже задавать вопросы по искусству и его истории, равно как и по археологии»⁹⁰. И хотя Никодим Павлович имел в виду одесситов, на тогдашних киевлян это тоже распространялось: людей со вкусом и знанием в области художества всегда — тонкая прослойка в жировом массиве общества. Адольф Израилевич как человек, отдавший должное и археолого-художественным вопросам, да и вообще как филолог-античник, который не мог не быть одновременно эстетиком, был еще как способен на тонкие замечания, скажем, и касательно архитектурных ордеров, и древнеегипетской иератической скульптуры, и слова как такового.

Но в этом, пожалуй, не вина, а беда большинства хороших знатоков языка: они знают, как надо говорить на том или ином языке (даже мертвом), как переводить тексты, чтобы это было хорошо, как преподавать язык окружающим. Они переносчики знания. На что-то более основательное, выходящее за рамки знания языка в пространство культуры вообще, они, к сожалению, в большинстве своем не способны. Адольф Сонни знал, что делает, и его немногочисленные, не утраченные за сто лет научной свежести публикации, свидетельствуют об этом. Вот их перечень: чуть более полусотни.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

заслуженного профессора Императорского университета св. Владимира,
доктора классической филологии, действительного статского советника
Адольфа Израилевича Сонни⁹¹

Vergil und Trogus // Rheinisches Museum fuer Philologie / Herausg. von O. Ribbeck und Fr. Buecheler. — Frankfurt am Main, 1886. — Bd XLI. — S. 473–480⁹².

De Massiliensium rebus quaestiones: Dissertatio historica. — Dorpat: Karow, 1887. — 110 S. (на латинском языке; магистерская диссертация; рец.: *Cauer Fr.* Adolf Sonny, De Massiliensium rebus quaestiones: Dissertatio historica. Dorpat: Karow, 1887 // *Berliner Philologische Wochenschrift* / Herausg. von Chr. Belger und O. Seyffert. — 1889. — № 12. — Bd IX. — S. 380–382).

Александризм и его влияние на римскую литературу: Вступительная лекция, читанная в Университете св. Владимира 12 сентября 1887 г. // УИ. — 1887. — № 10. — С. 1–12.

Несколько заметок к Эсхилу «Агаммону» // ЖМНП. — 1887. — Май. — Отд. 2. — С. 8–18.

Firminus Maternus // AFL. — Lpz, 1887. — Bd 4. — S. 607.

Памятник древнегреческого искусства, хранящийся в музее Университета св. Владимира // ЧИОНЛ. — 1891. — Т. 5. — Отд. 1. — С. 18–21.

Киевское отделение Общества классической филологии и педагогики // ФО. — 1892. — Т. II. — Отд. 1. — С. 222–224 (конспект выступления на заседании Общества 7.11.1891 об *Ovid. Fast.* II 192).

О культе египетских божеств на северном побережье Черного моря (Реферат) // ЧИОНЛ. — 1892. — Кн. 6. — Отд. 1. — С. 16–17.

Три греческие эпиграммы в схолии архиепископа Арефы // ФО. — 1892. — Т. II. — Отд. 1. — С. 45–48.

[Рец.] М. V. (sic!) *Martialis epigrammata*. М. В. Марциала эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. Т. I и II. Москва, 1891 г. (XXIII+933 с.) // ФО. — 1892. — Т. II. — Отд. 2. — С. 189–202.

К Аристофану (Rap. 302.833) // ФО. — 1893. — Т. V. — Отд. 1. — С. 35.

К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря // ФО. — 1893. — Т. I. — Отд. 1. — С. 53–55 (рец.: *Латышев В. В.* По поводу заметки проф. А. И. Сонни // ФО. — 1893. — Т. II. — Отд. 1. — С. 140–142).

К Эсхилу (Agam. 1316–1329 W, 1447 W) // ФО. — 1893. — Т. IV. — Отд. 1. — С. 200–201.

Несколько заметок к «Лягушкам» Аристофана (ст. 19–20, 295, 302, 346, 404 sqq, 679 sqq, 914, 1001) // ФО. — 1893. — Т. IV. — Отд. 2. — С. 189–194.

Отзыв о сочинении магистранта Г. Павлуцкого «Коринфский архитектурный орден» с 50-ю рис. в тексте и 8-ю фототип. табл., 196 с., Киев, 1891 // УИ. — 1893. — № 4. — С. 37–43.

Ad Herodam // ФО. — 1893. — Т. V. — Отд. 1. — С. 108–110.

- Ad Strattidis (fr. 23 K.) // ФО. — 1893. — Т. V. — Отд. 1. — С. 35.
- De duobus Agamemnonis Aeschyleae locis // ФО. — 1893. — Т. IV. — Отд. 2. — С. 199–202.
- Ad Aeschyli Agamemn (v 589 W = 562 K) // ФО. — 1894. — Т. VI. — Отд. 1. — С. 17–18.
- De libelli⁹³ *peri areton kai kakion* codice Mosquensi // ФО. — 1894. — Т. VII. — Отд. 1. — С. 97–102.
- Die Feststellungen // Byzantinische Zeitschrift. — 1894. — Bd 3. — S. 602–604.
- Extrema linea (*Teren. Eun. 640*) // ФО. — 1894. — Т. VI. — Отд. 1. — С. 19.
- Lupana // ZRPh. — 1894. — Bd 18. — S. 145, 500. — *Соавтор Эдвард Вельфлин.*
- Pernix // ZRPh. — 1894. — Bd 18. — S. 452–453.
- Supervacaneus, supervacuuus, supervacuaneus // ZRPh. — 1894. — Bd 18. — S. 561–562.
- [Рец.] *I. M. Stowasser. Lateinisch-Deutsches Schulwoerterbuch. Wien, 1894 (XX+1092 pp.)* // ФО. — 1894. — Т. VII. — Отд. 2. — С. 219–227.
- К Катутлу (37, 10; 112) // ФО. — 1895. — Т. IX. — Отд. 1. — С. 165–168.
- К Катутлу (64, 401) // ФО. — 1895. — Т. IX. — Отд. 1. — С. 26.
- О названии коринфского архитектурного ордена // ФО. — 1895. — Т. IX. — Отд. 1. — С. 40.
- Ad Herodam (I 78, IV 35 sqq) // ФО. — 1895. — Т. VIII. — Отд. 1. — С. 108–110.
- Corrigendum (Herodam IV 36) // ФО. — 1895. — Т. VIII. — Отд. 1. — С. 201.
- [Рец.] *J. Poppelreuter. De comoediae atticae primordiis particulare duac. Diss. inaug., Berolini, 1895, 95 p.* // ФО. — 1895. — Т. IX. — Отд. 2. — С. 8–14.
- Zu den Sprichwoertern und sprichwoertlichen Redensarten der Roemer [К пословицам и вошедшим в поговорку речевым оборотам римлян] // AFL. — Lpz, 1896. — Bd 9. — S. 60–62.
- Ad Dionem Chrisostomum analecta / Scripsit Athaulfus Sonny // УИ. — 1896. — Январь. — С. I–VI, 1–48; Февраль. — С. 49–72; Март. — С. 73–104; Апрель. — С. 105–130; Май. — С. 133–208; Июнь. — С. 209–242, II.
- Ad Dionem Chrysostomum analecta / Scripsit Athaulfus Sonny. — Kioviae: Typis Zavadzkiianis, 1896. — VI, 241 p., [I] c. di tav. (на латинском языке; докторская диссертация)
- Ortus = Quelle // ZRPh. — 1897. — Bd 21. — № 9. — S. 585.
- Zur Differenzierung der Latein. Partikeln [К дифференциации латыни. Частицы] // AFL. — Lpz, 1897. — Bd 10. — № 3. — S. 32–36.
- К характеристике Диона Хрисостома // ФО. — 1898. — Т. XIV. — Отд. 1. — С. 13–36.
- Ad thesaurum proverbiorum Romanorum subindenda // ФО. — 1899. — Т. XVI. — Отд. 1. — С. 3–16, 133–146.

Zum Thesaurus Glossarum [К словарю глосс] // AFL. — Lpz, 1899. — Bd 12. — S. 543–545.

[Рец.] *K. Buecher*. Arbeit und Rhythmus: Zweite stark vermehrt tu Auflage. Leipzig, 1899 (VIII+412 стр.) // ФО. — 1899. — Т. XIX. — Отд. 2. — С. 46–50.

[Рец.] *U. Wilcken*. Die griechischen Papyrusurkunden. Berlin, P. Reimer, 1897 (60 стр.) // ФО. — 1899. — Т. XVI. — Отд. 2. — С. 11–16.

Доля и Горе в народной сказке // ЧИОНЛ. — 1904. — Кн. 19. — Вып. 4. — Отд. 1. — С. 24–28.

[Рец.] *Томас Мор*. Утопия (De optimo rei publici [sic!] statu deque nova Insula Utopia Libri duo illustris viri Thomae Mori Regni, britanniarum cancellari) / Пер. с лат. А. Г. Генкеля при участии Н. А. Макшеевой, СПб, 1903 // ЖМНП. — 1905. — Апрель. — Отд. крит. и библиогр. — С. 379–393.

Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. Кулаковского, А. Сонни. — К.: Тип. С. В. Кульженко, 1906. — Вып. I. — XXXII, 288 с.: 3 л. карт. — *Соавтор* Ю. А. Кулаковский.

Горе и Доля в народной сказке // Eranos: Сб. ст. по литературе и истории в честь засл. проф. Имп. Ун-та св. Владимира Николая Павловича Дашкевича. — К., 1906. — С. 361–425).

Горе и Доля в народной сказке // УИ. — 1906. — № 10. — С. 1–64.

Горе и Доля в народной сказке: Оттиск из «Университетских известий» за 1906 г. — К.: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1906. — [2], 64 с.

Отзыв о сочинении магистра С. Д. Пападимитриу «Феодор Продром: Историко-литературное исследование», Одесса, 1905, представленное на соискание степени доктора греческой словесности // УИ. — 1906. — № 8. — С. 1–10. — *Соавтор* Ю. А. Кулаковский.

Иосиф Андреевич Лециус // УИ. — 1913. — № 12. — С. 206–207.

Михаил Акоминат — автор «Олицетворения», приписываемого Григорию Паламе // Византийское обозрение. — 1915. — Т. I. — Отд. I. — С. 104–116.

Аристофан и аттический разговорный язык: По поводу книги Д. П. Шестакова «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана», Казань, 1913 // ЖМНП. — 1916. — Январь. — Отд. классич. филол. — С. 6–34; Февраль. — С. 35–90.

Аристофан и аттический разговорный язык: По поводу книги Д. П. Шестакова «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана», Казань, 1913. — СПб., 1916. — II, 90 с.

Примечания

1. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историограф. очерки. — СПб., 1999. — С. 7.
2. В 1914 г. в десяти российских университетах (Москва, Харьков, Казань, Санкт-Петербург, Киев, Одесса, Томск, Дерпт, Варшава, Саратов) классические кафедры занимали 90–100 человек (профессоров, доцентов и приват-доцентов). Гимназические преподаватели латыни, которые не занимались ученым поиском, а только ретранслировали знание, могут быть выпущены из внимания так же, как и 130 миллионов человек остального народонаселения империи. При столь ничтожном проценте старателей, классическая филология была «полнокровной научной отраслью, служившей, по общему убеждению, фундаментом всего гуманитарного образования и гуманитарной науки» (*Фролов Э. Д.* Русская наука об античности... — С. 400). Кто сказал, что фундамент должен быть массивным? Он должен быть прочным.
3. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности... — С. 401.
4. *Сабашников М. В.* Воспоминания. — М., 1988. — С. 194.
5. Впрочем, утверждал же С. Н. Булгаков, что слово «студент» стало нарицательным именем интеллигента в дни революции (Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. — М., 1909. — С. 44).
6. См., например, недавние высококлассные работы киевского филолога-классика Петра Махлина: *Махлин П. Я.* Латинский язык в таблицах: Справочник по грамматике. — М., 2008; *Махлин П. Я., Титарчук Ю. А.* Латинский язык за 60 часов: Самоучитель. — М., 2009.
7. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности... — С. 399.
8. Оригиналы опубликованных здесь портретов профессоров А. И. Сонни, В. П. Клингера и И. А. Лециуса хранятся в ИР НБУВ (Ф. XXXIII, д. 4193, л. 1–3).
9. Недавняя моя публикация предварительных материалов о Сонни на русскоязычной версии сайта «Википедия» (август 2009 г.), смею надеяться, нарушила устойчивость этой фигуры умолчания.
10. *Маркевич О. П.* Наука і наукові працівники в Київському державному університеті за 112 років його існування (1834–1946) // Наук. зап. Київ. держ. ун-ту. — К., 1946. — Т. V. — Вип. 1. — С. 23.
11. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб., 1899. — Т. XXVIII: Россия. — С. 816.
12. См.: *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения

и византистики в России. — 2-е изд., перераб., исправ. и доп. — СПб., 2004 (1-е изд. — К., 2000); Пучков А. А. Юлиан Кулаковский: профессор и лекции // Кулаковский Ю. А. История римской литературы от начала Республики до начала Империи в конспективном изложении / Изд. подгот. А. А. Пучков. — К., 2005. — С. V–LXVI; Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его исследование тектоники античного мировоззрения // Кулаковский Ю. А. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избр. работы / Изд. подгот. А. А. Пучков. — СПб., 2002. — С. 5–44; Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его «История Византии» в пространстве российского византиноведения: Последний классик летописного жанра и культура жанра // Кулаковский Ю. А. История Византии / [Науч. ред. А. А. Пучков]: В 3 т. — Изд. 3-е, исправ. и доп. — СПб., 2003. — С. 5–48; Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его конструирование мифологии Древней Греции // Суч. проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. ПСМ АМУ. — К., 2009. — Вип. 6. — С. 369–384, и др.

13. Фролов Э. Д. Русская наука об античности... — С. 354.

14. Киевская мысль. — 1914. — № 33. — 2 февр. — С. 2. История с неутверждением В. П. Клингера на должности экстраординарного профессора Университета по разным причинам (в том числе и по причине его польского происхождения) в то время возмутила разум киевской интеллигенции и получила резонанс в городских газетах. После смерти Л. А. Кассо Клингера все-таки утвердили в означенной должности, и он до начала 1920-х профессорствовал на кафедре, входил в состав Совета Университета. Вскоре, впрочем, выехал в Польшу, и до 1962-го трудился профессором классической филологии сначала Варшавского, затем Познаньского университетов.

15. За время существования — 1873–1890 гг. — Русскую филологическую семинарию закончили 113 стипендиатов. Из них 81 были русские, 29 австрийцы, трое немцев. По национальному признаку: 49 русских, 20 чехов, 36 немцев, 5 поляков, 5 литовцев, 2 словака, 3 хорвата, один финн и один серб. См.: Максимова А. Б., Алмазова Н. С. «Русская филологическая семинария» в Лейпциге в интеллектуальном пространстве России и Германии // Межкультурный диалог в историческом контексте. — М., 2003. — С. 99–102 (www.igh.ru/index.html).

16. Здесь и далее даты до 1918 г. приводятся по старому стилю.

17. Высочайшим приказом № 2 от 3.02.1883 Сонни был командирован за границу с ученой целью на два года (ЖМНП. — 1883. — Апр. — Правит. расп. — С. 51).

18. Рецензию Фр. Кауэра на книгу Сонни о массилийцах см. в приложении. *Cauer Fr. Adolf Sonny, De Massiliensium rebus quaestiones. Dissertatio historica. Dorpat*

1887, Karow. 110 S. // Berliner Philologische Wochenschrift. — 1889. — № 12. — 23 Maerz. — Stb 380–382. На эту работу Сонни обнаружена ссылка в одной французской нумизматической статье: *Reynaud G. E. Un tresor de monnaies Massaliotes du Ve siecle (Pl. VI–IX) // Revue numismatique. — 1983. — 6^e ser. — Т. XXV. — P. 41.*

19. *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I, Books 11/12: Alexander the Great / Transl. and append. by J. C. Yardley; Comment. by W. Heckel. — Oxford, 1997. — P. 14.*

20. *Yardley J. C. Justin, Trogus, and the «Aetna» // Phoenix. — 1998. — Vol. 52. — № 1/2. — P. 103.*

21. *Yardley J. C. Justin and Pompeius Trogus: A Study of the Language of Justin's Epitome of Trogus. — Toronto; Buffalo; L., 2003. — P. 189 (имя А. И. Сонни упоминается на стр. 14, 16, 34, 36, 52, 66, 84, 91, 97, 114, 126, 188–203).*

22. ГАК. Ф. 16, оп. 465, д. 4816, л. 1–10.

23. Там же. Оп. 330, л. 7 об.

24. Там же. Л. 6.

25. Там же. Л. 7.

26. А. И. Соболевский 4.04.1921 писал В. Н. Бенешевичу (российскому византинисту, члену-корреспонденту РАН), составлявшему «Скорбную летопись» о гибели ученых на протяжении 1917–1921 гг.: «От приезжего киевлянина я узнал, что ... А. И. Сонни жив и живет в Киеве; умер его сын» (*Медведев И. П. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. — СПб., 1995. — С. 350*). О котором из двух сыновей Сонни — Евгении или Григории — идет речь, установить не посчастливилось. См.: *Бенешевич В. Н. Скорбная летопись // Рус. ист. ж-л. — 1921. — Кн. 7. — С. 229–261.*

27. Здание было снесено в декабре 1980 г. См. фото В. В. Галайбы в: *Фотоспомин: Київ, якого немає (Анотований альбом світлин 1977–1988 років) / Відп. ред. А. Б. Беломесцяцев, А. О. Пучков, О. С. Червінський. — К., 2000. — С. 381.*

28. Имеется в виду издание: *Dionis Prusaensis, quem vocant Chrysostomum, Opera omnia / Ed. H. von Arnim. — Berlin, 1893–1896. — Bd 1–2 (перепечатка — 1962 г.).*

29. Арефа — архиепископ Кесарии Каппадокийской (IX–X вв.), ученик Фотия. Известны его схолии (пометки на полях рукописи) к сочинениям Платона, Лукиана, Евклида, Евсевия, Диона Хрисостома, апологиям Татиана и Афинагора (последние две сохранились лишь в тексте схолий Арефы).

30. Тойбнеровское издание Диона в редакции А. И. Сонни нами не обнаружено.

Одно из новейших изданий в серии *Bibliotheca Teubneriana (Dionis Chrysostomi Orationes. Lipsiae, 1915–1919)* вышло под редакцией Г. де Буде.

31. *Куклина И. В. В. К. Ернштедт: Обзор научного рукописного наследия // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. — СПб., 1999. — С. 106.*

32. *Вернадский Г. В. М. И. Ростовцев (к шестидесятилетию его) // Seminarium Konakovicianum. — Prague, 1931. — Vol. 4. — S. 20.*

33. *Сочинения Козьмы Пруткова. — М., 1976. — С. 115.*

34. *Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. — М., 1997. — С. 51.*

35. *Письма С. А. Жебелёву, Ф. И. Успенскому и Н. Я. Марру // Скифский роман. — С. 392.*

36. В публикациях первого, набросочного варианта статьи о Сонни, относящихся к началу–середине 2000-х, М. И. Ростовцев неосмотрительно был назван мною одним из официальных оппонентов по докторской диссертации Сонни.

37. См.: *Bonhoeffer Ad. Epiktet und das neue Testament. — Berlin, 1965. — S. 93.*

38. См. некоторые русскоязычные переводы его текстов: *Дион Хрисостом*. [Речи.] VII. Эвбейская речь, или Охотник. VIII. Диоген, или О доблести. XXXVI. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза / Сост., вст. ст. и прим. С. В. Поляковой. — М., 1960. — С. 63–97; *Дион Хрисостом*. [Речи.] VI. Диоген, или О тирании / Пер. И. М. Нахова. IX. О состязаниях (Истмийская речь) / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек. X. Диоген, или О слугах / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек и И. М. Нахова // Антология кинизма. — М., 1984. — С. 270–279, 285–289, 289–296; *Дион Хрисостом*. [Речи.] X. Диоген, или О слугах. XII. Олимпийская речь. XVIII. Об упражнении в искусстве речи / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. — М., 1964. — С. 18–22, 22–32, 10–15; *Дион Хрисостом*. [Речи.] XI. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был / Пер. Н. Брагинской. XII. Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества / Пер. Н. Брагинской и М. Грабарь-Пассек // Ораторы Греции. — М., 1985. — С. 304–336, 283–303; *Дион Хрисостом*. [Речи.] XXI. О красоте. LI. К Диодору. LIII. О Гомере. LV. О Гомере и Сократе / Пер. О. В. Смыки; Комментар. А. А. Тахо-Годи // *Вопр. классич. филол.* — М., 1990. — Вып. X: Античность в контексте современности. — С. 174–195. Классические издания: *Dion Chrysostomus. Opera* / Ed. H. L. Crosby. — L., 1949–1956. — Vol. I–VI; *Dio Chrysostom* / With an English Translation by J. M. Cohoon: In V vol. — L.; Harvard, 1961–1977.

39. *Нахов И. М.* Философия киников. — М., 1982. — С. 99.

40. Олег Цыбенко наверняка назвал бы его Дионом Прусским по аналогии с именованном Нонна — Панопольским вместо привычного уху Панополитанского.

41. *Нахов И. М.* Философия киников. — С. 31.

42. *Нахов И. М.* Эстетические и литературные взгляды киников // *Вопр. классич. филол.* — М., 1969. — Вып. II. — С. 33. См. также: *Arnim H. von.* Leben und Werke des Dio von Prusa. — Berlin, 1898; *Francois L.* Essai sur Dion Chrysostome. — Paris, 1921; *Вальденберг В. Е.* Политическая философия Диона Хризостома // *Изв. АН СССР.* — 1926. — № 10/11. — С. 949–974; № 13/14. — С. 1281–1302; № 15/17. — С. 1535–1559; 1927. — № 3/4. — С. 287–306; *Вальденберг В. Е.* К учению Диона Хризостома о рабстве // *Сборник статей в честь С. А. Жебелёва.* — Л., 1926. — С. 89–97 (машинопись в РГБ); *Нахов И. М.* Кинизм Диона Хризостома // *Вопр. классич. филол.* — М., 1976. — Вып. VI. — С. 46–104; *Лосев А. Ф.* Дион Хризостом // *Лосев А. Ф.* Эллинистически-римская эстетика: I–II вв. н. э. — М., 1979. — С. 179–190; *Нахов И. М.* Император Юлиан и «невежественные киники» // *Вопр. классич. филол.* — М., 1980. — Вып. VII: Образ и слово. — С. 133–167.

43. *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое (Из воспоминаний). — Иерусалим, 1982. — С. 20–21.

44. См. о нем поверхностную, тенденциозную и школьно-неглубокую книгу: *Щербань Т. О.* Тимофій Дмитрович Флоринський (1854–1919) / *Ин-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України.* — К., 2004, а также переписку: *Листування [М. П. Дашкевича] з Т. Д. Флоринським // Чуткий А. Микола Павлович Дашкевич (1852–1908).* — К., 2008. — С. 281–444. Н. П. Полетика пишет об обстановке в Киеве в начале Первой Балканской войны (октябрь 1912 г.): «Патриотические статьи в защиту славян в Киевских газетах, в особенности в “Киевлянин”, сбор пожертвований на подарки раненым и так далее — все это шло под идейным влиянием профессора славяноведения Киевского университета Т. Д. Флоринского, яркого националиста и шовиниста. Его сын “Микочка” учился в нашем классе, в первом отделении. Студент Голубев, завсегда дома Флоринских, в газете своей организации “Двуглавый Орел” высказывал крайне шовинистические взгляды» (*Полетика Н. П.* Виденное и пережитое... — С. 43). Старший сын Флоринского, Сергей, погиб в Первую мировую (1916), сам Т. Д. Флоринский расстрелян ЧК в мае 1919-го (оба перезахоронены с Аскольдовой могилы на Лукьяновском кладбище; надгробие не сохранилось).

45. ИР НБУВ. Ф. III, д. 20349, л. 1–2об.

46. *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византинистику (по материалам С.-Пе-

тербургского филиала Архива РАН) // Рукописное наследие русских византинистов. — С. 154.

47. Кулаковский Ю. А. «Стратегика» императора Никифора: Греческий текст по рукописи Московской Синодальной библиотеки с общими объяснениями // Зап. Импер. акад. наук. — 1908. — Т. VIII. Ист.-филол. отд. — № 9. — С. VIII; *Никифор II Фока. Стратегика* / Пер. и коммент. А. К. Нефёдкина. — СПб., 2005. — С. 108.

48. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост. И. В. Тункина. — М., 2008. — С. 347.

49. «Особенной признательностью я обязан вице-президенту Академии П. В. Никитину, который принял на себя труд редакции моего издания. Сверив мой список по рукописи, П. В. своими поправками разъяснил немало мест, оставшихся для меня неясными, и его авторитетные указания много содействовали лучшему уразумению памятника. Без доброй помощи П. В. я бы не решился выпустить в свет это издание» (*Никифор II Фока. Стратегика*. — С. 108–109).

50. Цит. по: *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византинистику... — С. 154–155.

51. *Васильев А. А.* История Византийской империи: Время от Крестовых походов (до 1081 г.). — СПб., 1998. — С. 187.

52. Кулаковский Ю. А. Предисловие // *Аммиан Марцеллин. История* / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. — К., 1907. — Вып. II. — С. IX.

53. Кулаковский Ю. А. Предисловие // *Аммиан Марцеллин. История* / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. — К., 1908. — Вып. III. — С. VIII. Попутно следует подчеркнуть, что издание всех трех выпусков было профинансировано Университетом св. Владимира по решению Совета Университета, «любезному отношению которого к ученым трудам своих сочленов немало обязана русская ученая литература» (*Кулаковский Ю. А.* Предисловие // *Аммиан Марцеллин. История*. — Вып. II. — С. XI).

54. Впрочем, в частном письме ко мне М. Л. Гаспаров любезно сообщил: «Знаете ли Вы, что я когда-то его [перевод Кулаковского] редактировал: в антологии “Памятники ср.-в. лат. лит-ры IV–IX вв.” (1970) помещены три его отрывка из Аммиана, и так как к своеобразному стилю Аммиана он был равнодушен, то пришлось довольно густо править» (28.11.2000).

55. См., например, отзыв П. Г. Виноградова: «Сложность ... образа Горя-Злосчастия наводила на мысль о возможности обратного влияния его на позднейшие великорусские песни и сказки. Впервые эту мысль высказал А. И. Сонни в работе “Горе и Доля в народной сказке” в 1906 году. Ответить же, каково было обратное влияние, он еще не мог. Только подробный стилистический анализ текста Повести и сравниваемого с ней песен-

ного материала дал возможность В. Ф. Ржиге разобраться в этом чрезвычайно запутанном вопросе» (www.lib.pushkinskijdom.ru/Portals).

56. ИР НБУВ. Ф. III, д. 51075, л. 1.

57. См.: Труды Первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков 28–31 декабря 1911 г. — СПб., 1912.

58. Отчет о состоянии и деятельности Императорского университета св. Владимира в 1912-м году // УИ. — 1913. — № 11. — С. 6.

59. *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое... — С. 57–58.

60. См.: Справа професора Фрідріха Кнауера у 1914–1915 роках // *Alma Mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917–1920 рр.* / Упоряд. В. А. Короткий, В. І. Ульяновський: [У 3 т.] — К., 2000. — Т. 1. — С. 655–670; а также послужной список Ф. И. Кнауэра: ГАГК. Ф. 16, оп. 465, д. 4788, л. 39–44.

61. ИР НБУВ. Ф. XXIX, д. 1371, л. 3.

62. Справа професора Фрідріха Кнауера у 1914–1915 роках. — С. 659.

63. Сын Голубева, Владимир, был впору отцу: «этот антисемит-фанатик был вдохновителем процесса [Бейлиса]. Ведь это он указал на Бейлиса как на ритуального убийцу. Но после первых же слов на суде он упал в обморок. Показания Голубева на следующий день дали обильную пищу для насмешек над ним. Публика издевалась над тем, что Голубев в поисках вдохновения провел в одиночку целую ночь в апреле 1911 года в пещере, где был найден труп Ющинского. Когда же выяснилось поразительное невежество Голубева, который признался, что впервые услышал о существовании секты цадииков и хасидов, употреблявших христианскую кровь..., от одной помещицы, а с термином “хасиды” познакомился в учебнике географии, то это окончательно скомпрометировало его» (*Полетика Н. П.* Виденное и пережитое... — С. 47–48). С. Т. Голубев (1849–1920) был специалистом по истории богословия и церкви, профессором Университета и Киевской духовной академии, членом-корреспондентом Императорской академии наук (с 1908), крайне правый монархист. В. С. Голубев (1891–1914) погиб в Первую мировую. Младший сын С. Т. Голубева — архиепископ Калужский и Боровский Ермоген (1896–1978, похоронен в Киеве).

64. Список № 1 профессорам, значащимся на службе при Киевском Университете св. Владимира с иностранными фамилиями // *Alma Mater: Університет св. Володимира...* — Т. 1. — С. 650–651.

65. ГАГК. Ф. 16, оп. 465, д. 4816, л. 9–10.

66. Там же. Л. 619.

67. Полетика Н. П. Виденное и пережитое... — С. 59–60.
68. Alma Mater: Університет св. Володимира... — К., 2001. — Т. 2. — С. 430–431.
69. Там же. — С. 446–447.
70. Там же. — С. 531 sqq.
71. Див.: Протоколи засідань Ради Університету св. Володимира за 17 травня — 15 грудня 1918 року // Там же. — С. 549–634.
72. *Осоргин Мих.* Тем же морем (1922 г.) // *Осоргин Мих.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания. — М., 2007. — С. 630.
73. *Клингер В. П.* Памяти заслуженного профессора Киевского университета, доктора римской филологии Юлиана Андреевича Кулаковского // *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время. — С. 445–451.
74. ИР НБУВ. Ф. XXXIII, д. 1402, л. 4.
75. Там же. Л. 5.
76. Автор книги «Интерес по учению современной психологии и педагогики» (К., 1915), где в последних строках введения он обращается «со словом благодарности и признательности к проф. Сорбонны Брюно за сообщение им ценных сведений по истории применения термина — интерес во французской речи, проф. Киевского Университета А. И. Сонни за такие же сведения относительно латинского языка».
77. См.: *Брагинская Н. В.* Об авторе и о книге // *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. — М., 1987. — С. 188; *Шмидт С. О.* О Якобе Голосовкере // *Голосовкер Я. Э.* Засекреченный секрет: Филос. проза. — Томск, 1998. — С. 4.
78. *Блонский П. П.* Мои воспоминания. — М., 1971. — С. 56–57. Стоит напомнить публикацию: *Сонни А.* Иосиф Андреевич Лециус // УИ. — 1913. — № 2. — С. 206–207.
79. ГАГК. Ф. 16, оп. 465, д. 3224, л. 8–12.
80. *Блонский П. П.* Мои воспоминания. — С. 57.
81. *Романовский В. А.* К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время // Alma Mater: Університет св. Володимира... — Т. 1. — С. 281.
82. *Вспомяина В. Ф.* Асмуса... / Сост. М. А. Абрамов, В. А. Жучков, Л. Н. Любинская. — М., 2002. — С. 211.
83. *Асмус В. Ф.* Философия в Киевском университете в 1914–1920 годах (Из воспоминаний студента) // *Вопр. филос.* — 1990. — № 8. — С. 98.
84. Мне не посчастливилось обнаружить ссылки на эти сочинения Шестакова и Сонни.
85. На экземпляры книг со штемпелем «Изъ книгъ Юліана Кулаковскаго» до сих пор можно случайно наткнуться в НБУВ. Библиотека Кулаковского, к сожалению, от-

дельной коллекции «Вернадке» не составляет. См. также: [Житецкий Г.] Придбани за гроші і подаровані бібліотеки і книжки: В бібліотеці проф. Ю. А. Кулаковського // Книжний вістник (sic!). — 1919. — № 2. — С. 27–28.

86. В 1918–1922 гг. Н. А. Туницкий заведовал кафедрой славистики Киевского университета.

87. ИР НБУВ. Ф. 179, д. 789, л. 1.

88. Там же. Д. 595, л. 1.

89. В те годы еще сохранялась дореволюционная иерархия учебных оценок: 5 — «весьма удовлетворительно», 4 — «удовлетворительно», 3 — «посредственно», 2 — «плохо»; колом педагоги не пользовались.

90. Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / Изд. подгот. И. Л. Кызласова. — М., 2002. — С. 166.

91. За рамками этого перечня остались иностранные издания, в которых печатался Сонни: «Neue Jahrbuecher fuer klassische Philologie» (Berlin) и «Philologus: Zeitschrift fuer das klassische Altertum» (Stolbero, Goettingen, Lpz), некоторые выпуски которых отсутствуют в киевских книгохранилищах, и потому просмотреть их de visu было невозможно. Указанные в списке сочинения А. И. Сонни сличены с оригиналами.

92. Эту первую статью 25-летнего Сонни до сих пор вспоминают в ученой литературе (см. выше).

93. Неизвестного автора, приписывается Аристотелю.

Фридрих КАУЭР¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ АДЛЬОФА СОННИ
«О МАССИЛИЙСКИХ СПОРНЫХ ВЕЩАХ»**

Adolf Sonny, De Massiliensium rebus quaestiones. Dissertatio historica. Dorpat 1887, Karow. 110 S. 2 M. 80.

Читатель не будет раздосадован, если во всех подробностях последует за остроумными и в то же время размеренными умозаключениями автора с целью обнаружить результаты, часто прячущиеся за его изобильной эрудицией.

Сонни начинает с анализа имеющейся у Юстина² истории о Массилии³, которую тот приписывает Тимею⁴. Автор утверждает основание Массилии после Тимея и Аристотеля за 600 лет до Р. Х. и объясняет это, интерполируя противоположное свидетельство Фукидида (I 13)⁵. Оказываются возможными ранние сношения между Массилией и Римом. Массилийцы посредством борьбы обосновывали первые истоки ее колониальной империи лигурийцами. Сонни связывает рассказанную Юстином историю о победе над карфагенянами в 480 г. поражением этрусков и создание пунической морской державы. Он объясняет возобновление борьбы с лигурийцами вторжением галлов в южной Франции, которое закрепляет за началом IV в. Лигурийцы могли быть вынуждены этим событием к нападению на греческие прибрежные города, для обороны которых массилийцы среди вновь прибывших находили союзников.

Скудное сообщение Юстина Сонни дополняет результатами, которые он выискивает в географической дидактической поэме у Руфа Феста Авиена⁶. В общем, следуя У. фон Мёллендорфу, иногда полемизируя с ним, чаще против [Г. Ф.] Унгера, Сонни рассматривает старый Перипл⁷, извлеченный из Авиеновых «*Ora maritima*»⁸, с дополнениями и интерполяциями более позднего автора.

---

* Выражаю признательность Юлии Викторовне Диденко за техническую помощь в подготовке текстов, размещенных в приложениях — А. П.

Цитаты из писателей V в. приписываются последнему. Солидаризуясь с Унгером, Сонни заключает, что из того, в Перипле идет речь о лигурийцах на западе реки Роны, — составлен он был после первой половины V в. Но, с иной стороны, поскольку лигурийцы граничат еще непосредственно с иберийцами, которых не касаются галлы, и с морем, получается, что Перипл был написан в Южной Франции перед упомянутым вторжением галлов. Поскольку в тексте называются только греческие гавани, и едва ли упомянуты многочисленные колонии карфагенян на испанском побережье, текст не имеет теоретического поучения, а только практическое. <...> Таким образом, массилийское движение на испанском побережье охватывало на исходе V в. только эллинов. Итак, Перипл должен был возникнуть в Массилии, и за это место дислокации текста говорит также особенная подробность: местности описываются от устья Роны. Сонни объясняет, что греческие колонии, о которых в Перипле говорится как о расположенных вдоль всего побережья Средиземного моря начиная от Испании, частично с использованием свидетельств писателей, для массилийских колоний должны быть признаны достоверными; поскольку это не поставляет нам никаких иных греков, которые могли бы владеть в V в. гаванями на испанском побережье. Распространение господства и торговли Массилии, каковую обличает Перипл, понятно как следствие достигнутой в начале V в. победы над карфагенянами. Написанный в 347 г. Перипл [Псевдо]-Скилицы больше не знает массилийской колонии западнее устья Роны. С одной стороны, крушение массилийского морского господства, которое должно было произойти перед 347 г., Сонни объясняет из продвижения вперед галлов также и на Пиренейском полуострове, с другой стороны, — заключает из успехов, которых карфагеняне снова достигли на исходе V в. Эфор⁹, указания которого сохранены Скимном¹⁰, выстраивает колонии Массилия снова западнее устья Роны, разумеется, в меньшей степени, чем Перипл и на более узкой территории. <...> При помощи сравнения указаний Гекатея¹¹ и Скилицы, Сонни доказывает, что старые колонии вследствие галльского вторжения также были разрушены восточнее устья Роны, однако заменялись другими.

Сведения из использованных литературных источников дополняются изображениями на массилийских монетах, которые были в распоряжении автора, но, к сожалению, в недостаточном числе, случайные, хотя и надежно опубликованные. Он начинает со старейшей найденной около Марселя монеты, с обо-

лов обычной валюты и большей частью азиатской чеканки. Эти монеты свидетельствуют, что движение между Массилией и западным побережьем Малой Азии около 500 г. до Р. Х. существовало. Точно так же и старейшие драхмы наверняка опираются еще на старую вавилонскую чеканку, более поздние — на чеканку римского викториата¹². Последние не могут характеризоваться как сделанные перед подчинением транспаданской Галлии благодаря римлянам. Чеканка драхм прекращается с захватом Массилии благодаря цезарю. Аналогичные изменения в чеканке и весе серебряных монет засвидетельствованы и медными монетами. Даже если бы на них портрет императора нигде не был обнаружен, Сонни, в отличие от Т. Моммзена, в качестве городской привилегии полагает, как следует из официальной чеканки, что Массилия была покорна Риму столь же незначительно, сколь и Афины. Обзор завершается обращением в колониях Массилии побитых монет. Право независимой чеканки было передано восточным колониям только цезарем, когда эти города отрывались от корневого суверенитета. Напротив, уже в IV в. рынок оставил нам монеты поздней римской чеканки, датируемые временем после Карфагена, но перед 2-й пунической войной. Варварские народы по образцу денег Массилии и ее колонии тоже чеканили монеты, место обнаружение которых доказывает их живое обращение — от Балеарских островов вплоть до Бретани, Германии, Швейцарии и восточных альпийских перевалов.

Адольф СОННИ¹³

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДИОНА ХРИСОСТОМА

...Имя Диона Хрисостома не из тех, которые знакомы всякому образованному человеку. Это — писатель малоизвестный в самых тесных кругах специалистов. Даже в более подробных руководствах по истории греческой литературы ему обыкновенно отводится весьма скромное место и дается одностороннее освещение. Его рассматривают преимущественно как ритора, как софиста, не обращая внимания на другую, главную, сторону его деятельности — на философское содержание его произведений. — Правда, Дион Хрисостом не принадлежит к числу первоклассных литературных гениев или творцов в области

человеческой мысли. Да и жил он не в эпоху расцвета греческой культуры, а в период последнего подъема эллинского духа, того подъема, который один остроумный исследователь удачно назвал «бабьим летом» греческой литературы: он один из лучших представителей того возрождения греческой образованности, начало которого совпадает с началом нашей эры.

В то время прежние центры умственной жизни греков — Афины, Александрия, Пергам — давно утратили свое значение. Их сменил в этом отношении Рим, вместе с владичеством над вселенной захвативши и гегемонию в области мысли. Сюда, в столицу «земного круга», стали стекаться все духовные силы провинций, мыслители и литераторы всего образованного мира. Первое место среди них и по числу, и по таланту занимали, конечно, греки.

Но роль Рима в деле возрождения греческой образованности не ограничилась одним лишь общим покровительством науке и искусствам. Его лучшие умы уже в конце республиканской эпохи сами обратились к изучению выдающихся произведений аттической литературы V и IV веков, и *своим примером* побудили греков последующего времени вспомнить о забытых сокровищах родной словесности. Изучением аттических образов преимущественно и вызван был подъем духовной жизни, замечаемый среди греков в первом столетии нашей эры, и это-то обстоятельство и дает нам право назвать начавшееся тогда умственное и литературное движение *возрождением*.

Изучение повело к подражанию, прежде всего, конечно, внешней форме. Известно, что со времени Александра Великого и его преемников, распространивших эллинскую культуру на большую часть Азии и Африки, возник особый греческий диалект, т. н. *общий говор*, на котором сообщалось между собою разношерстное население эллинизованного мира. Даже для литературных целей употреблялось это новое, более или менее вульгарное наречие. Возобновив знакомство с авторами V и IV веков, греки I столетия по Р. Х. вполне естественным образом возмели желание сблизить свой литературный язык с языком славных писателей древнего времени. Программа обновления литературного языка, сформулированная в самом начале нашего периода Дионисием Галикарнасским, отличается, сравнительно, умеренностью. Придавая главное значение изучению содержания аттических произведений, он не требует слепого подражания их форме, а довольствуется очищением современной речи от неуместных выражений неправильных форм и ошибочных конструкций, рекомендуя легкое под-

новление словаря аттическими речениями. Его идеал — *эллинизм*, который он противопоставляет варваризму и солецизму. Последующее деятели на поприще литературы пошли дальше. Они отвергли эллинизм, противопоставляя ему *аттицизм*. Для них представлялось идеалом писать так, как писали аттические авторы V и IV веков, не употребляя ни одной формы, ни одного слова, ни одного оборота, которые не встречались бы в произведениях, принятых ими за образец. Своего апогея достиг этот бездушный формализм в половине II века по Р. Х. Многочисленные руководства, словари и другие пособия, дошедшие до нас из исхода древности, свидетельствуют об увлечении и настойчивости, с которой преследовалась намеченная цель. Известно, что это стремление создать искусственный книжный язык путем подражания аттическим писателям никогда не угасало: оно проходит через всю византийскую эпоху и продолжается до сих пор в современной нам Греции.

Подъем эллинского духа, вызванный изучением славных литературных произведений прошлого, оживил единственный вид литературы, еще не вполне заглохший к тому времени. Это было азиатское красноречие, некогда процветавшее в городах Малой Азии, откуда в начале I столетия до Р. Х. было перенесено на почву Лациума, а затем пришедшее в упадок и влачившее скромное существование в школах риторов. Под влиянием нового умственного движения азиатское красноречие возродилось в несколько измененном виде и дало то любопытное, хотя и малосимпатичное, литературное течение, которое известно под названием *второй софистики*. — В римском красноречии существовал непримиримый антагонизм между *Asiani* и *Attici*; в греческой же литературе произошло соединение обоих направлений: родная дочь азиатского красноречия подчинилась влиянию аттицизма, и от союза с ним получила новую силу и новый блеск.

Уже в силу своего происхождения вторая софистика имела почти исключительно *риторический* характер, и тем существенно отличалась от софистики V века, имевшей универсальный, преимущественно философский характер.

Не придавая значения содержанию, софист эпохи римской империи преследует единственную цель — блеснуть внешней формой речи, выставляя на вид свой чисто аттический язык, свой изысканный, цветистый слог, свое умение говорить без приготовления о любом предмете, пленяя слушателей сладкими модуляциями голоса и эффектной жестикюляцией. Являясь свобод-

ными художниками слова, представителями самодовлеющего искусства речи, софисты видели в содержании лишь субстрат стиля и выбирали для своих риторических упражнений подчас самые пустые, самые нелепые темы: составлялись, напр., панегирики в честь перемежающейся лихорадки, в честь плешивости, сочинялись хвалебные описания мухи, мыши, паука и т. д.

А между тем в обществе того времени накопилось немало вопросов, настоятельно требовавших решения. Это был период нравственного кризиса. Прошедши долгий путь умственного развития и неоднократно разочаровавшись в своих идеалах, человечество дозрело до постановки самых серьезных, самых жгучих вопросов, которые только могут волновать общественную совесть: о сущности и цели жизни, об истинном благе человека, о пути, ведущем к этому благу. Конечно, уже и в прежнее время избранные умы задавались подобными вопросами, ища моральных устоев для жизни, пытаясь «найти какую-нибудь твердую точку опоры для нравственного бытия человека»¹⁴. Но в эпоху, о которой мы говорим, эти вопросы стали волновать самые широкие слои общества: «повсеместно чувствовалась жажда обновления, возрождения»¹⁵, везде проявлялось горячее желание услышать «новое слово». Нам, людям конца XIX века, нетрудно понять настроение тогдашнего общества. Ведь мы сами живем в эпоху подобного умственного брожения: те же самые вопросы снова поставлены на очередь и снова мучительно требуют себе ответа.

За разрешение сомнений, тревоживших общество I века по Р. Х., взялась философия. Философия того времени уже не стремилась к познанию вещей: отвернувшись от точной науки, не придавая значения теоретическому знанию, отказавшись от умозрительного размышления и метафизических тонкостей, она стала на чисто практическую почву и выдвинула на первый план этику. Вопрос о субъективном благе человека сделался главной целью философского мышления. К какой бы школе ни причислял себя философ того времени, он видит свою первую задачу в том, чтобы доставить человеку внутреннее счастье.

И действительно, мы встречаем среди философов этой эпохи целый ряд истинных врачевателей души человеческой, умевших разрешать мучительные сомнения, исцелять нравственные раны и доставлять душе спокойствие и мир. Но их влияние ограничивалось немногими приближенными, жившими и враждавшими в их обществе. Философы вроде Секстия или Димитрия, о которых с таким благоговением говорит Сенека, или вроде Демонакта, светлую лич-

ность и возвышенную мораль которого нам рисует Лукиан, преподавали свое учение избранным умам: они чуждались толпы, избегали обращаться к более широким слоям общества, не трудились на пользу всего человечества.

Причину отчужденности философии от широкой публики должно искать в отрицательном отношении представителей философской мысли к риторическому, то есть литературному образованию. Между философами и софистами эпохи Римской империи существовала открытая вражда, в которой возобновился старый антагонизм между художниками чисто формальной речи и исследователями сущности вещей, проявлявшейся уже в цветущий период аттической образованности, в V и IV веках. Отвергая риторическое образование, недружелюбно относясь к литературным стремлениям, философы императорского времени оказались не в состоянии облекать свои мысли в художественную форму, излагать их привлекательным, изящным слогом. Вследствие этого деятельность многих выдающихся представителей тогдашнего философского движения прошла бесследно для огромного большинства современников и для потомства. Даже возвышенное учение Эпиктета сохранилось только благодаря тому случайному обстоятельству, что в числе его учеников оказался человек, обладавший некоторым литературным талантом (Арриан), который и взял на себя труд придать мыслям своего учителя литературную форму.

Значение Диона Хрисостома состоит именно в том, что он в своем лице соединил оба направления, на которые распалась умственная жизнь его времени. Он принадлежит к числу немногих философов, вполне владевших внешними средствами и приемами риторики, к числу тех немногочисленных *philosophisantes en doxi tou sobbisteuein*, о которых упоминает один древний критик.

Дион родился в небольшом воинском городе Прусе и происходил из знатного и зажиточного греческого рода. В молодости он получил риторическое образование и усердно изучил лучшие произведения аттической литературы и греческой поэзии вообще. Он сделался софистом, и еще в юные годы составил себе имя своим красноречьем. Он разделял все увлечения и заблуждения софистики, что, между прочим, доказывают некоторые обработанные им в этот период его жизни темы, названия которых случайно сохранились. Мы встречаем в числе их «Хвалебное описание попугая», «Хвалебное описание комара» и т. д. Как все софисты, и Дион в начале своей деятельности относился враждебно к философам: он написал особое сочинение «Против философов», а дру-

гое — против выдающегося представителя тогдашней философской мысли, «Против Мусония». — По примеру софистов он пустился в странствования, и выступал в разных городах, выставляя на вид свое ораторское искусство и обильно пожиная лавры за свое умение красно говорить о самых пустых предметах. Конечно, и его повлекло в столицу мира и средоточие тогдашней умственной жизни. В Риме Дион близко сошелся с одним высокопоставленным любителем литературы. Эта дружба оказалась роковой для Диона. Его знатный друг, находившийся в родстве с императорским домом, навлек на себя подозрение Домициана и был казнен по его повелению. Сам Дион едва избег гнева разъяренного тирана и был изгнан из Рима и Италии; кроме того, ему было запрещено пребывание в родном городе.

Обрушившееся на него несчастье, по собственному признанию Диона, произвело коренной переворот не только во внешней его жизни, но и во внутренних убеждениях и во всем образе мыслей: напыщенный софист обратился в смиренного философа. Надев на себя худое платье, взяв посох и суму, он под видом нищего странствовал по белу свету, присматриваясь к жизни людей, изучая их нравы и стремления и в то же время углубляясь в самого себя. Таким образом, он дошел до границ Римской империи, посетил страну гетов, собирая материал для истории этого интересного народа, побывал на юге России, в греческой колонии Ольвии у устья Днепра, о географическом положении и внутреннем состоянии которой мы находим драгоценные указания в его 36-й речи.

Бедствия Диона окончились только по смерти Домициана, когда на императорский трон был возведен Нерва, лично знавший и ценивший Диона. Тогда он мог вернуться на родину и в Рим, где, по-видимому, и провел большую часть остальной своей жизни, пользуясь милостью императоров Нервы и Траяна. Продолжая тем не менее носить скромное одеяние философа, он проповедовал мудрость в разных местах Римской империи, в Олимпии, Афинах, Александрии, Родосе и во многих городах Малой Азии, видя в поучении людей исполнение возложенной на него божеством миссии.

Как замечено выше, все философские школы в эпоху империи старалась стать на практическую почву. Но дальше всего от всякого умозрения и ближе всего к действительной жизни стояла *киническая философия*, вследствие своей доступности пониманию бедного и необразованного люда и благодаря тому сочувствию, с которым она относилась к социальному положению низших

классов общества. К этой философии униженных и угнетенных примкнул Дион после своего обращения.

Кинизм возник в начале IV столетия до Р. Х. как реакция против культурной утонченности, проявлявшейся в это время среди греков. Когда цивилизация достигает наибольшего развития и особой интенсивности, передовые умы спрашивают себя: что дает увеличение культуры для личного счастья людей? Поставив такого рода вопрос, они видят, с одной стороны, что так называемые «блага культуры» доступны лишь весьма немногим избранным, тогда как положение народной массы нисколько не улучшается; с другой стороны, они убеждаются, что и то незначительное меньшинство, которое одно в состоянии пользоваться всем, что дает культура, далеко от счастья: напротив, оно испытывает страдания, неведомые тем, кто лишен мнимых благ цивилизации. Вывод один: культура не нужна, она вредна, она виновница неравенства среди людей, от нее исходить всякое зло. Тогда раздается проповедь о необходимости возвращения к природе, к первобытному, некультурному состоянию.

Для Греции этот критический момент настал вскоре после окончания Пелопоннесской войны. Антисфен, ученик Сократа, впервые формулировал этот протест против условий, созданных цивилизацией. Он и его последователи, Диоген, Кратет, Метрокол, Моним не ограничивались теоретическим отрицанием культуры, а проводили свое учение практически в собственной жизни. Выставляя аскетизм как высший моральный принцип, они сами жили мучениками отстаиваемой ими нравственной идеи. Отказываясь от всех удобств, доставляемых культурой, они добровольно избрали жизнь нищих, и закалялись и упражняли свою нравственную силу в перенесении всякого рода лишений, невзгод и трудов. Стремясь к полному равенству всех людей, киники не требовали равенства *имущества*, а [требовали] равенства *нищеты*. Проведение этого равенства они начинали с самих себя, в виду чего нельзя не признать за ними нравственного героизма.

Кинизм оказал огромное влияние на все философские школы; но ближе всех к нему стоят стоики, почти целиком усвоившие этику киников. Новое знание кинизм получил в начале нашей эры. Оно и понятно. Ведь тогда римская культура достигла своего апогея, а в силу известного закона должно было явиться обратное течение. Под влиянием именно кинизма философия всех школ в I столетии по Р. Х. получила выше отмеченное направление к практиче-

ской этике. Стоицизм же того времени столько у него заимствовал, что в некоторых случаях, как, напр., относительно Эпиктета, трудно решить, имеем ли мы дело со стоиком или с киником.

Идеи, легшие в основу кинизма, знакомы и нам, людям новейшего времени. Протест против утонченности культуры, возникший в прошлом столетии во Франции, красноречивый призыв к природе, раздавшийся из уст Руссо, его приглашение вернуться к первобытному, неиспорченному цивилизацией состоянию, — разве это не та же самая реакция, которую мы наблюдаем у греков IV века до Р. Х. и у римлян первого века нашей эры? Можно было бы доказать даже преемственную связь между этим течением внутри французского просвещения и античным кинизмом¹⁶. Еще ближе к последнему стоит современное нам учение, отрицающее пользу культуры. И тут можно было бы указать не только на общие причины, но и на общие источники...

Дион вполне разделяет основные положения кинизма. Прежде всего, он солидарен с ним в отрицании культуры. В VI речи он заставляет выводимого им Диогена высказывать следующие мысли, близко напоминающие Руссо и Толстого: в первобытном состоянии, когда люди не знали даже употребления огня, они жили вполне счастливо. Многообразные ухищрения (*panourgia*) цивилизации, бесчисленные изобретения и приспособления только ухудшили их положение и сделали их несчастными, потому что «не на нравственное усовершенствование употребляют люди свои познания, а на удовлетворение низменных инстинктов» (§ 28). Культура изнеживает человека физически и морально. «Имея возможность всегда разводить огонь, располагая запасом одежды, имея в своем распоряжении дома, люди при малейшем ощущении холода прячутся от свежего воздуха и делают свое тело хилым и неспособным переносить непогоду; имея летом возможность всегда укрываться в тени и пить сколько угодно вина, они не знают загара, не знают естественной жажды и живут в затворе, бледнолицые, как бабы, с телом непривычным и неспособным к труду, с душою одурманенной и отуманенной» (§ 10). Весь вред и вся пагубность культуры самым ярким образом сказывается на людях богатых, которым доступны все так называемые блага ее, тогда как бедные стоят ближе к природе и живут в более естественных условиях. Богатые во всех отношениях живут хуже и несчастнее бедных. Они доходят в своей беспомощности до того, что без посторонней помощи шагу ступить не могут: они похожи на новорожденных младенцев (§ 15).

Не зная самой лучшей из приправ — голода и жажды, — «они придумывают себе неестественные блюда и бани (для возбуждения аппетита), нуждаются в один и тот же день в прохладе и в теплой одежде, в одно и то же время во льде и в огне... Вследствие своей неводержности они не знают радостей любви, потому что не дожидаются физической потребности, благодаря чему предаются противоестественному разврату» (§ 12). «Несмотря на свою безумную привязанность к жизни, несмотря на все средства, придумываемые для отсрочки смерти, большинство людей не доживает до преклонного возраста; при жизни же своей они страдают болезнями, которые нелегко даже перечислить: земля не успевает производить достаточно лекарственных трав; приходится прибегать к “железу и огню”. Но лечение даже самых искусных врачей не приносит пользы вследствие неумеренности и распущенности людей» (§ 23). — Но хуже физической немощи нравственные мучения, которым ежедневно подвергаются люди, живущие среди условий, созданных культурой. Они проводят всю свою жизнь в постоянном смятении (*tatattomenoi*), в вечных дрязгах, среди бесчисленных страданий. Не живут они в мире даже во время священных празднеств, когда объявляется о прекращении всякой вражды. И все это делают и переносят они ради того одного, чтобы иметь возможность «жить»: они трепещут, что у них не хватает так называемых «средств для жизни», да еще заняты заботой о том, чтобы детям своим оставить много денег» (§ 34).

Киническая мысль лежит также в основе VII речи. В ней Дион указывает на неприглядные условия жизни в больших городах, на несчастное положение огромного большинства их обитателей, происходящее от скученности населения и чрезмерного разделения труда. Отдаленный от природы и естественных условий существования городской житель не знает настоящего здорового труда, хотя и вечно занят своей специальностью: он *argos ama kai banausos* (§ 108). Не производя того, что необходимо для жизни, он принужден платить деньги за предметы первой необходимости, получая их из вторых и третьих рук; даже хворост или сухие листья, чтобы развести огонь, ему приходится покупать, потому что «дары природы для него находятся под спудом и недоступны, кроме разве воды» (§ 106)¹⁷. Множество людей тем не менее покидают естественные занятия — земледелие, охоту, скотоводство — и, переселившись в город, берутся за ремесла и профессии, служащие удовлетворенно низких инстинктов и ненужных прихотей богачей, вредные для здоровья и тле-

творно действующие на душу. Следствием этого влечения в большие центры является чрезмерная скученность населения в городах, тогда как плодородные земли пустуют и лежат втуне. Лучшим средством для устранения этого бедствия, по мнению Диона, было бы распределение городского населения, или, по крайней мере, его избытка, по деревням, подобно тому как некогда афиняне при Солон и Писистрате жили рассеянные по всей Аттике (§ 107). Право, не было бы большой беды, говорит наш философ, если бы городские жители во всех отношениях стали мужиками. Не решаясь, однако, на такую радикальную меру, Дион считает возможным, в виде паллиатива, ограничиться упразднением особенно предосудительных и бесполезных занятий и промыслов. В виде контраста с жалкими условиями городского быта, с эгоизмом и нравственной испорченностью людей культурных, Дион рисует нам простую жизнь двух бедных пастухов-охотников, со своими семьями обитающих в дебрях Евбеи, вдали от всякой цивилизации, на лоне природы, — жизнь, полную довольства и счастья, полную самых чистых радостей. Эта идиллия, введенная в виде рассказа из собственных приключений автора во время его странствований, отличается замечательной естественностью и жизненностью, и дышит неподдельным чувством; она принадлежит к лучшим перлам греческой литературы... Приходится только жалеть, что эта замечательная речь Диона дошла до нас в виде жалкого торса [фрагмента].

Безумной роскоши и нравственной развращенности культурного общества киники противопоставляли не только прелести простой сельской жизни и непритязательную умеренность низших классов, но и счастливую простоту и неиспорченность диких народов (в чем нашли себе подражателей во французских философах XVIII столетия). Дион также неоднократно указывает на то, что варвары живут гораздо правильнее и лучше, чем цивилизованные эллины и римляне (ог. LXIX § 6; X § 30; XV § 20), и в своей истории гетов (как видно по сохранившимся отрывкам) противопоставлял культурной развращенности чистые нравы этого примитивного народа, подобно тому как его современник Тацит в виде контраста с распущенностью римского общества прославлял добродетели германцев.

Доставляя человеку средства для удовлетворения его дурных влечений и страстей, культура притупляет в нем нравственное чувство и заглушает голос совести или разума (*phronesis*), свыше вложенного в каждого из нас. Вместо

ясного, простого понимания явлений жизни, под влиянием цивилизации возникают в душе предрассудки и превратные взгляды. Культурный человек «исполнен внутри ложных представлений и самообмана» (ог. LXVIII § 4). К области *doxa* [мнения] и *apate* [обмана] киники относили между прочим государственные учреждения, законы и большинство сложившихся у людей нравственных понятий. «Истинного, действительного, явного закона люди не видят и не делают его путеводителем своей жизни. Они как будто зажигают лучины и головни при полуденном сиянии солнца, оставив божественный свет и идя за дымом, показывающим ничтожную искру огня. Закон природы исчез у вас и потерян, несчастные; зато вы охраняете скрижали и грамоты и высеченные на камне постановления и бесполезные буквы. Завет Зевса вы давно нарушили; предписания же того или другого человека, чтобы не были нарушены — за этим вы наблюдаете» (ог. LXXX § 6).

Страсти, не сдерживаемые разумом, окончательно ослепляют человека и действуют на него как дурман. Для обозначения этого состояния у киников существовал особый термин — *tuphos* (собственно *чад*), метко характеризующий то непробудное одурение, в которое люди впадают под влиянием необуздываемых страстей. — Угоревшие от чада страстей (*tetuphomenoi*), отуманенные и одурманенные, люди живут зря, не задумываясь над своей жизнью; они вечно заняты ненужными делами, вечно мечутся, вечно хлопочут о чем-то в беспросветной суете, не имея определенной цели жизни. Один стремится к тому, чтобы больше других иметь земли, другой — серебра, третий — рабов; иной ищет почестей, иной хочет стяжать славу каким-нибудь искусством, недоступными для остальных, еще иной желает сладко есть и пить и предаваться чувственными удовольствиям; но никто не знает, для чего все это (ср.: ог. LXVIII § 4). К ним всем применимы эпитеты *безрассудные* (*anoitoi*), *невоститанные* (*apaideutoi*), *бесцельно несущиеся* (*pheromenoi*, *petomenoi*), *блуждающие* (*petbomenoi*). Все эти выражения, столь часто встречающиеся в речах Диона, имеют специфический оттенок и понятны только с кинической точки зрения.

Человек, изнеженный и развращенный культурой, пребывает в безысходной кабале у собственных своих страстей. «Я жалею о вас, — говорит Дион (ог. LXXX § 7), — видя то тяжелое, жестокое рабство, в которое вы сами себя отдали: вы заковали себя не в одну или две, а в тысячу цепей, которые давят и трут гораздо хуже, чем оковы и колоды и кандалы каторжников».

Невозможно перечислить все пути и узы, в которые себя заключили безрасудные и распущенные люди. «Они прикованы не только за шею или за руки и ноги, как те, которых вы считаете преступниками, но и за брюхо и за остальные части тела: каждый член имеет свои вериги и цепи, сложные и разнообразные» (ibid. § 10). Наиболее страдают те, которые обыкновенно считаются счастливыми; бедным и простым приходится легче. «Так как они худощавы, то цепи на них лежат свободнее и менее давят; знатных же и богатых, у которых душа вздута спесью и обросла жиром, цепи хуже беспокоят и трут, подобно тому как и телесные оковы сильнее жмут толстых и упитанных, чем худых и тощих» (ог. XXX § 19). Рядом с этой неволей то, что люди обыкновенно называют рабством, не имеет никакого значения. Киники вообще отрицали и игнорировали социальные различия и в частности не признавали рабства. Дион в XIV и XV речах пространно доказывает, что самое понятие рабства, в общепринятом смысле, не имеет логического основания и что между свободным и рабом нет никакой разницы.

Повальному рабству, в котором большинство людей пребывают по отношению к собственным страстям, киники противопоставляли истинную свободу. Истинная свобода ничего общего не имеет с тем, что обыкновенно понимают под этим словом. Подобно тому, как греки и троянцы сражались из-за фантома Елены, в то время как настоящая Елена находилась вдали от Трои, в Египте¹⁸, так и люди постоянно воюют между собою из-за призрака, который неверно называют свободой, и во имя этого призрака переносят бесчисленные страдания и причиняют друг другу и самим себе величайшее зло (ог. LXXX § 4). Истинная свобода не обуславливается внешним положением человека, случайными обстоятельствами его жизни, а зависит от внутренних его качеств, от состояния его духа. Свободен тот, кто, победив собственные страсти, всегда владеет собою, кто, отрешившись от условностей культуры и связанных с нею пагубных привычек и ложных представлений, закалил себя в перенесении всякого рода невзгод, кто стоит выше тех случайностей, которым во всякое время подвержена жизнь человеческая, и неуязвим для стрел судьбы, ежечасно метаемых в каждого из нас. Эта истинная свобода — единственная добродетель, которую признает киник; в ней заключается счастье, являющееся целью жизни, она есть то высшее благо, к которому должны стремиться все люди.

Это счастье доступно всем без исключения. Благодаря разуму, которым

мы наделены, каждый из нас, буде только захочет, имеет возможность хорошо и разумно обставить свою жизнь. Следует лишь повиноваться указаниям разума, не заглушать насильно его голоса, не противодействовать нарочно его повелениям, как то делает большинство людей. Для этого надо прежде всего опомниться, одуматься, взглянуть на себя, *познать самого себя*. Древнее предписание Дельфийского оракула *gnothi seauton* является поэтому одним из основных правил кинической философии. Дион проповедует его как в других речах (напр., ог. II § 56 sqq.; LXVII § 2 sqq.), так особенно в десятой (§ 21 sqq.). В человеке опомнившемся, изучившем свои духовные и телесные потребности, произойдет полный переворот. Прислушиваясь к голосу своего разума и собственной природы, он убедится в суетности и бессмыслии обычных людских стремлений, в противоестественности и ложности созданных цивилизацией условий. Все явления окружающей его жизни предстанут пред ним в совершенно измененном виде. Все то, к чему всю силу стремятся и рвутся люди, что составляет предмет их желаний и вожделений, — богатство, почести, слава, образование, утонченная обстановка, удовольствия и наслаждения, — все это потеряет всякую привлекательность в глазах человека одумавшегося и прозревшего; мало того, все это покажется ему в высшей степени вредным и пагубным. Наоборот, то, чего больше всего страшатся и избегают люди, что считают величайшим несчастьем, — бедность, бесславие, унижение, работа на других, отречение от всякой собственности и всяких прав, — получит цену и станет желательным и спасительным в его глазах. И не только в оценке внешних условий жизни проявится эта перемена; она коснется и нравственных понятий. Что людям обыкновенно представляется честным, высоким, благородным, окажется дурным и безнравственным в глазах человека, познавшего самого себя и суть вещей; а что принято считать низким и преступным, для него станет хорошим и честным. *Parakapoxon to nomisma — nerechekanь монету* — гласит поэтому второе основное правило кинизма. Это есть то отрицание ходячих нравственных представлений, которое популярный в настоящее время немецкий философ, во многих отношениях близко стоящий к киническому учению, может быть, под непосредственным влиянием кинической формулы, выразил словами «переоценка ценностей» (Umwertung der Werte)¹⁹. Уже Антисфен отрицал общепринятую мораль. Еще настойчивее против нее теоретически и практически боролся Диоген, которого позднейшая

традиция в силу дословного понимания выставленного им девиза сделала «фальшивым монетчиком»²⁰. Его устами Дион в IX речи требует пересмотра и отмены ходячих нравственных воззрений.

Практическим последствием внутреннего просветления и переоценки материальных и нравственных явлений жизни необходимо явится отвержение созданных культурой условий, возвращение к природе, к первобытному состоянию. *Kata phusis sin, жить согласно с природой* — вот самое главное, коренное правило кинизма, квинтэссенция его учения. Необходимость отказа от культурной лжи, необходимость возврата к естественной простоте обстановки Дион доказывает в VI речи, в которой как образец опрощения выставляется Диоген, этот наиболее яркий и последовательный представитель кинизма.

Только освободившись от чада культуры, отказавшись от суетного многоделания, отрезвившись и опростившись, человек может сосредоточиться на том едином, что на потребу, и сделать закон правды, который есть закон природы, единственным путеводителем своей жизни. Так достигнет он душевной гармонии и уравновешенности, истинной и безусловной свободы, высшего блаженства, не уступающего блаженству бессмертных богов.

Вот в кратких чертах те нравственные идеалы, которые Дион излагает в своих речах. Как истинный киник, он проводил их практически в своей собственной жизни. Прежде чем побуждать других к опрощению, он сам опростился (ог. XIII § 10), отказался от своих богатств, добровольно избрал жизнь нищего странника, переносил всякого рода невзгоды и лишения. Опростившись материально, он опростился и духовно: он сознает свою немощь, считает себя хуже других и удивляется, что люди собираются вокруг него и желают его слушать. Он не находит сказать им ничего лучшего, чем то, что за четыреста лет говорили древние афинские мудрецы, и не придает никакого значения тому, что может дать от себя. Тем не менее, Дион считает пропаганду своих идей нравственной обязанностью для себя. Кто постиг пустоту и ложь культуры, кто понял суету и пагубность обычных стремлений и начинаний человеческих, тот обязан *пойти в народ* (XXXII § 8) и наставлять его на путь истины. Люди нуждаются в поучении и наставлении, потому что обыкновенно до того отуманены и одурманены, что сами не могут очнуться. Мудрец, то есть человек, познавший правду и с нею согласовавший свою жизнь, поставлен божеством для того, чтобы наблюдать за людьми и направлять их к истине и добру:

он блюститель людей (*episkopos ton antbropon*²¹). Во исполнение этой священной обязанности Дион не перестает проповедовать принципы кинизма — да, именно, проповедовать, потому что многие из его речей имеют и внешнюю форму проповедей. Основую их иногда служить текст, взятый из Гомера, поэзия которого со времен Антисфена пользовалась почти священным авторитетом у киников: в ней они, применяя особый прием толкования, находили подтверждение почти всем своим положениям. Впечатление проповеди получается также от молитвенного обращения к богам в начале речей и от возвышенно-убежденного тона, свойственного красноречию нашего философа.

Публика, к которой обращался Дион, была самая разнообразная. Мы видим его не раз свободно и мужественно поучающим самого римского императора, самого Траяна, относительно обязанностей истинного царя, причем идеалом правителя он выставляет Геракла, которого киники почитали как своего покровителя и в котором видели прототип кинизма. Мы далее видим Диона выступающим в Олимпии, во время панэллинского торжества; мы встречаем его увещающим римских солдат, возмущившихся в Мёзии при известии о вступлении Нервы на императорский престол. Но чаще всего он поучал народ в народных собраниях своего родного и других греческих городов. Всюду он честно и смело отстаивал свои убеждения, выказывая себя и в этом отношении истинным киником.

Кинизм Диона имеет для нас еще особое значение. Мы видели, какое важное место в истории человеческой мысли занимает киническая философия, какую крупную роль она играет в умственном развитии человечества. К сожалению, главные источники для ее истории — сочинения Антисфена и других киников IV века — для нас потеряны. Этот чувствительный пробел в некоторой степени пополняется благодаря присутствию кинического элемента в речах Диона.

Правда, у него нет строго выдержанной системы кинизма: практика иногда расходится у него с теорией. Желая влиять на возможно широкие слои общества, он не разделяет всех крайностей кинического учения. Чаще всего он отступает от строгого кинизма в пользу родственного с последним стоицизма. У стоиков Дион заимствовал космологию, то есть учение об устройстве и управлении вселенной, излагаемое в XXXVI, XII и, отчасти, I речах. Строгие киники вовсе не признавали подобных вопросов, не имеющих прямого отношения к этике.

Но мы не задавались целью представить полную картину философского облика Диона; поэтому можем оставить в стороне влияние на него стоицизма и других философских школ. Не входит также в нашу задачу останавливаться на значении Диона как источника для современного ему быта. Позволю себе только заметить, что в этом отношении у него богатейший материал. Рисует ли он жизнь в отдаленной греческой колонии на юге России, в этом крайнем форпосте эллинской культуры, окруженном скифскими кочевниками и отрешенном от остального цивилизованного мира, или же жалкое положение и запустение некогда цветущих центров культуры в Элладе и Македонии; изображает ли он постоянные раздоры в греческих городах Малой Азии, мелкое честолюбие их граждан, в то же время трепетавших перед римскими правителями, или же кичливое высокомерие родосцев, считавших себя единственными представителями чистого эллинизма, или же веселый, подвижной нрав и легкомыслие пестрого по своему составу населения Александрии; описывает ли он безумную роскошь богатых римлян, или же простую, идиллическую жизнь бедных пастухов в горах Евбеи: всегда он дает наглядные, полные жизни картины. Вообще Дион свое философское учение облакает в высокохудожественную форму, и тут-то сказывается бывший ритор и софист. Везде у него заметно знакомство с лучшими классическими писателями, преимущественно с Платоном и Ксенофонтом. Но в то же время нигде нет рабского подражания, нет прямых заимствований. Дион сумел сохранить свою самостоятельность и относительно изученных им образцов, проявляя всюду тонкое художественное чутье. Недаром чуткая к красоте речи древность почтила его прозвищем «Златоуста»...

Примечания к приложениям

1. Печатается по: Berliner Philologische Wochenschrift. — 1889. — № 12. — 23 Maerz. — Stb 380–382. Перевод с немецкого.

2. Марк Юниан Юстин (II или III в.) — римский историк, автор извлечения из не дошедшего до нас исторического труда в 44 книгах римского историка I в. Помпея Трога «Historiae Philippicae» («История Филиппа», имеется в виду Филипп II). Извлечение содержит всемирную историю, главным образом македонскую, от мифических времен до

I в., без тщательной хронологической последовательности в изложении событий. Юстин сосредоточивается на описании занимательных и поучительных фактов, часто недостоверных, видны неточности при сопоставлении его истории с трудами иных античных писателей.

3. Массалия, Массилия, нынешний Марсель — колония, основанная в VI в. бежавшими из своего отечества фокейцами на лигурийском берегу в Галлии при Галльском заливе, к востоку от трех устьев реки Роны, из которых самое восточное называлось Массалийским, на полуострове, соединенном с землей перешейком шириной в 1500 шагов, с гаванью Лакидом и хорошей крепостью. Город Массилия был одним из замечательнейших городов древнего мира и важнейшим городом римской провинции, хотя и не подчинялся римскому наместнику. Влияние Массилии на распространение греческих учреждений, нравов, искусств и наук было значительным, отчего город был любимым местопребыванием образованных римлян, живших в изгнании, например, Т. Анния Милона. Благоденствующая под сенью римской дружбы, Массилия не могла не принять участия и в междоусобной войне Помпея и Цезаря: оба они оказали ей благодеяния, и потому город сперва было хотел оставаться нейтральным; но когда аристократическая партия дозволила флоту Помпея войти в гавань, город после упорного сопротивления, особенно после двух морских сражений, в 49 г. был взят Требонием и Д. Брутом, и хотя Цезарь не тронул самоуправления массилийцев, наложил на них большие налоги. С этого времени Массилия потеряла политическое значение, но оставалась, даже во времена Империи, центром ученых занятий (по Любкеру).

4. Тимей Сицилийский (ок. 356 — ок. 260 до Р. X.) — греческий историк. Автор ряда сочинений, из которых наиболее значительна «История» (в 38 или 43 книгах). Этот труд — главный источник не только по истории древней Сицилии, но и вообще Италии и эллинов на Западе, отчасти и Карфагена. Тимей с большим трудолюбием и старанием собрал богатый материал, немало путешествовал, воспользовался надписями, изучал документы, касающиеся Карфагена и финикиян. В особенности замечателен его труд в отношении хронологии: Тимей положил в ее основу хронологии список победителей на Олимпийских играх и ввёл, таким образом, тот счёт по Олимпиадам, который надолго стал общепринятым. Труд Тимея оказал влияние на последующих историков: из него черпали Диодор Сицилийский, Помпей Трог, Плутарх. «История» Тимея целиком не дошла, благодаря ссылкам и цитатам древних сохранились лишь отрывки.

5. «Наконец фокеяне, населяющие Массалию (600 г.), побеждали в морских сражениях карфагенян».

6. Авиен (Rufius Festus Avienus, вторая половина IV в. по Р. Х.) — римский «географический» поэт и писатель, родом из Этрурии.

7. Перипл — экфрастический жанр древнегреческой литературы, в котором описываются морские путешествия и каботажное плавание.

8. Поэма Авиена «Ora maritima» («Описание берега»), написанная ямбами и дошедшая в отрывках, содержит материал, почерпнутый из древних источников, хотя и искаженный позднейшими добавлениями.

9. Эфор Кимский (405–330 гг. до Р. Х.) — греческий историк родом из Эолийской Кимы, ученик Исократ. Его труд в 30 книгах был первой попыткой всеобщей греческой истории, отличался обилием собранного материала и исключением всего анекдотического и баснословного. Особенно обработанной была в истории Эфора географическая часть. Сочинением Эфора, не дошедшим до нас, усиленно пользовался Диодор Сицилийский.

10. Скимн Хиосский, географ неизвестного времени, сочинил географический очерк, который был разделен, вероятно, по трем частям света на три главных отдела: Европа, Азия и Ливия, подразделявшиеся на книги. Безосновательно приписывается ему еще такой же очерк, но изложенный, по примеру афинянина Аполлодора, в комических ямбах, заключающий описание берегов Европы от Геркулесовых столпов до понтийской Аполлонии. В поэтическом отношении оно без достоинств, но по содержанию — не без значения.

11. Гекатей Абдерский — греческий историк и философ, ученик Пиррона. Сочинения Гекатея, исторический труд «О египтянах» и философская утопия «О гипербореяцах», сохранились в выдержках у Диодора Сицилийского и Аполлония Родосского.

12. Викториа́т — серебряная мелкая древнеримская монета, чеканка которой началась в 269 г. до Р. Х. и продолжалась примерно до начала II в. до Р. Х. (название происходит от изображения богини Виктории).

13. Из реферата, читанного в С.-Петербургском Обществе классической филологии и педагогики. — *Прим. А. Сонни* [Печатается по: ФО. — 1898. — Т. XIV. — Отд. 1. — С. 13–36.]

14. Слова В. И. Модестова (Философ Сенека и его письма к Луцилию, [К., 1872,] стр. 1). — *прим. А. Сонни.*

15. Там же.

16. В своем юношеском произведении «Verger de Charmettes» Руссо называет Эпиктета своим учителем (Oeuvres ed. Nachelette, 1872, t. VI, p. 6). Что изображение первобытного состояния людей в так называемой второй диссертации Руссо в зависимости

от Дикеарха (следовавшего кинической теории), заметил R. Poehlmann, *Gesch. d. antiken Kommunismus*, S. 113, 2. — *прим.* А. Сонни [А. И. Сонни имеет в виду труд эрлангенского профессора Роберта Пёльмана (1852–1914), вышедший в русском переводе: «История античного коммунизма и социализма» (СПб., 1910).]

17. Водоснабжение, составлявшее предмет особенной заботливости властей и являвшееся излюбленной ареной общественной благотворительности со стороны богатых граждан, в древних городах было даровое. — *прим.* А. Сонни.

18. Одна из версий малоизвестного мифа, легшая в основу трагедии Еврипида «Елена» (412 г. до Р. Х.). Еврипид повествует о том, что Парис увез в Троию не настоящую Елену, а ее призрак, Елена же находилась в Египте у царя Протея, куда ее перенесла Гера. Сын Протея Феоклимен хотел жениться на Елене, но она предпочитала сохранить верность мужу. После падения Трои Менелай, возвращаясь домой, терпит кораблекрушение, попадает на египетский берег, встречает Елену, они обманывают Феоклимена и бегут. Здесь Елена не самолюбивая красавица, бросившаяся в объятия хорошенького мальчика и не гомеровская барышня, насильно увлеченная Парисом в Троию, томящаяся вдали от родины, однако ничего не предпринимающая, чтобы вернуться. — *Прим.* А. П.

19. А. И. Сонни имеет в виду составленную Э. Фёрстер-Ницше и П. Гастом из замечаний 1886–1888 гг. Фридриха Ницше его книгу «Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей» (1-е изд. — 1901).

20. Напомним, что Диоген (Синопский) начал «философскую карьеру» после того, как его изгнали из родного города за порчу монеты: до того, как сделаться философом, он управлял чеканной мастерской, а его отец был менялой. Отец пытался привлечь сына к изготовлению фальшивых монет. Сомневающийся Диоген предпринял путешествие в Дельфы, к оракулу Аполлона, и тот дал ему добрый совет «сделать переоценку ценностей», в результате чего Диоген принял участие в афере отца, был вместе с ним разоблачен, пойман, изгнан. По иной версии, после разоблачения Диоген сам бежал в Дельфы, где в ответ на вопрос, что ему нужно сделать, чтобы стать знаменитым, получил от оракула совет «сделать переоценку ценностей». После этого он отправился странствовать по Греции, около 355–350 гг. до Р. Х. появился в Афинах, где стал последователем Антисфена.

21. Ср.: E. Zeller, *Ueber eine Beruehrung des juengeren Cynismus mit dem Christentume*. Sitzungsber. d. Berl. Akad., 1893, IX, 129–132. — *прим.* А. Сонни [Эдуард Целлер (1814–1908) — историк античной философии, автор фундаментального труда «Философия греков в ее историческом развитии» (в 3 ч., 1844–1852), непревзойдённого по обстоятельности и полноте приводимых в нем источников при гиперкритичности по отношению к ним.]

Сокращения

ГАГК — Государственный архив города Киева.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб).

ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины (Киев).

УИ — «Университетские известия» (Киев).

ФО — «Филологическое обозрение» (СПб).

ЧИОНА — «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца» (Киев).

AFL — «Archiv fuer lateinische Lexikographie und Grammatik mit Einschluss des aelteren Mittellateins» (Лейпциг).

ZRPh — «Zeitschrift fuer romanische Philologie» (Тюбинген).

Анотація. У дописі запропоновано нарис біографії та творчості професора Імператорського університету св. Володимира по кафедрі класичної філології Адольфа Израїлевича Сонні (1861–1922). Окреслено наукові контакти науковця із його колегами та студентами, сучасниками і нащадками. У додатку вміщено дві важкодоступні нині публікації: рецензія Фр. Кауера на магістерську дисертацію Сонні про масилійців та лекція Сонні про Діона Хриостома.

Ключові слова: Адольф Сонні, класична філологія, Імператорський університет св. Володимира, Діон Хриостом, масилійці, Юліан Кулаковський, Вітольд Клінгер, Йосиф Леціус, Тимофій Флоринський, Яків Голосовкер, Петро Блонський, Валентин Асмус, Віктор Романовський.

Аннотация. В статье предложен очерк биографии и творчества профессора Императорского университета св. Владимира по кафедре классической филологии Адольфа Израилевича Сонни (1861–1922). Освещены научные контакты ученого с его коллегами и студентами, современниками и потомками. В приложении помещены две труднодоступные ныне публикации: рецензия Фр. Кауэра на магистерскую диссертацию Сонни о масиллийцах и лекция Сонни о Дионе Хрисостоме.

Ключевые слова: Адольф Сонни, классическая филология, Императорский университет св. Владимира, Дион Хриостом, масиллийцы, Юлиан Кулаковский, Витольд Клингер, Иосиф Лециус, Тимофей Флоринский, Яков Голосовкер, Петр Блонский, Валентин Асмус, Виктор Романовский.

Summary. In article the sketch of the biography and creativity of the professor of St. Vladimir's Imperial university of on chair of classical philology of Adolf Izrailevich Sonny (1861–1922) is offered. Scientific contacts of the scientist to its colleagues and students, contemporaries and descendants are shined. In the appendix two publications remote nowadays are placed: the review of Fr. Kauer on magister dissertation of Sonny about Massiliensium and lecture of Sonny about Dio Chrysostom.

Keywords: Adolf Sonny, classical philology, St. Vladimir's Imperial university, Dio Chrysostom, Massiliensium, Julian Kulakovsky, Vitold Klinger, Joseph Letsius, Timothy Florinsky, Jacob Golosovker, Peter Blonsky, Valentine Asmus, Victor Romanovsky.